

Детективная ирония судьбы

Ирина Хрусталева

С легким наваром

«ЭКСМО»

2003

Хрусталева И.

С легким наваром / И. Хрусталева — «Эксмо»,
2003 — (Детективная ирония судьбы)

Правду говорят, что рыжим не везет: муж Ники нашел другую, а законную жену выставил из дома. Даже обед в кафе обернулся неприятностями: Ника встретила симпатичного парня Игоря, выигравшего «Джек-пот» на автоматах, а на следующий день узнала, что его убили. Ника решила навестить парализованную мать Игоря и неожиданно для себя заделась частным детективом — несчастная женщина попросила девушку найти убийцу сына. Но расследование Ники началась неудачно — на следующий день мать Игоря нашли мертвой, и она так и не успела поделиться с новоявленным детективом своими подозрениями. Теперь Нике придется добывать сведения самой, а помочь ей сможет только странное наследство — зашифрованная записка да болонка Дуся...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Хрусталева

С легким наваром

Глава 1

На душе у Вероники было до того гадко и противно, что появилось сразу два противоречивых желания. Первое – напиться вусмерть, чтобы ничего не помнить, и второе – срочно сходить в баню и как следует отмыться. Способствовало такому настроению то, что сегодня муж Вероники объявил ей, ничуть не смущаясь, что он встретил женщину своей мечты, а к жене – прошла любовь, завяли помидоры, и в связи со столь радостным событием, мол, извини, дорогая, и подвинься. Она, конечно, поинтересовалась, в каком же направлении ей подвинуться, на что получила вполне вразумительный ответ.

– Можешь поехать на нашу дачу, а после развода я сразу же оформлю ее на твоё имя.

Истерику, которая уже готова была разразиться, Николай задушил в самом зародыше, громко рявкнув:

– Если вздумаешь закатить скандал, отправишься в свое родное Бирюлево, по месту прописки. Будешь жить со своей дорогой мамочкой, моей неповторимой тещей.

Этот аргумент сразу же заставил Веронику захлопнуть рот, так как оказаться на одной жилплощади со своей матушкой ей абсолютно не хотелось. Ее мать была неплохой женщиной, но имела одну слабость, а вернее – хобби: коллекционировала мужчин с двадцати до пятидесяти лет. На более зрелый возраст она не замахивается, объясняя, что чем моложе мужчина, тем лучше для женщины. Она, мол, просто расцветает от его присутствия в своей постели. По этой причине мамочка старается как можно чаще «вести».

В свои сорок семь лет она выглядит на тридцать пять и очень этим гордится. Их с Вероникой принимают за сестер, и мамочка изо всех сил поддерживает эту версию, особенно в присутствии мужчины, которого она, Анна Михайловна, наметила в качестве экспоната для своей коллекции. Как только дочери исполнилось пятнадцать лет, она строго-настрого запретила той называть ее мамой. С тех пор она превратилась в Аню, Аннушку, Анюту, ну и так далее. Только наедине с ней Ника позволяла себе расслабиться и называть ее, как положено.

Однажды, когда Вероника опрометчиво назвала ее мамой при одном из вдохнателей, Анна Михайловна не растерялась и тут же придумала душераздирающую историю о двух сиротах, которые остались без отца с матерью чуть ли не в младенческом возрасте. Старшей сестре, то бишь ей, пришлось взвалить непосильную ношу на свои хрупкие плечи и воспитывать младшую. Поэтому иногда по привычке Вероника называет ее мамой. Анну Михайловну ничуть не смутил тот факт, что она одним махом похоронила своих родителей, а для Вероники они соответственно являлись дедушкой и бабушкой. Слава богу, они здравствуют и поныне, и Ника их очень любит.

Так вот, жить опять со своей мамочкой Нике совсем не хотелось, поэтому она благоразумно согласилась переехать жить на дачу. Тем более что дом был очень хорошим, со всеми коммуникациями и камином, имелся даже московский телефон. Там можно было спокойно перезимовать любые морозы и вообще при желании жить достаточно комфортно. Вот если Нике все-таки придется искать себе работу, тогда уже хуже. Нужно будет ездить каждый день в Москву, а учитываядорожизну бензина, эта перспектива не радует, особенно когда наступит зима. Сейчас, слава богу, лето, и до первого снега все еще может измениться.

Вероника повернулась к Николаю и спросила:

– Когда мне нужно уехать?

– Заинька, если можно, то прямо сейчас. Видишь ли, Наденька сидит в машине, я не стал ее приводить сразу сюда, не хотел тебя расстраивать.

– Спасибо, дорогой, за заботу, у тебя это здорово получилось, – с сарказмом заметила Ника.

– Ой, ну, милая, хватит тебе иронизировать, если бы ты только ее увидела, сразу бы меня поняла. Это как удар молнии, как взрыв, как наваждение.

– Вряд ли я смогу тебя когда-нибудь понять. Во-первых, по ее милости я отставная жена, чего и ей желаю в ближайшем будущем. А во-вторых, у меня нормальная сексуальная ориентация, поэтому меня не интересует смазливая мордашка женского рода, будь то хоть сама Мадонна. Меня как-то больше красивые мужики привлекают.

– Вот когда правда-то наружу выходит, – засмеялся Николай, – я всегда утверждал, что ты в свою мамашу.

– Не говори глупостей! Ты же прекрасно знаешь, что я никогда тебе не изменяла, хотя поводов было с избытком.

– Ладно, извини, это я так, из вредности. Я чувствую себя немного виноватым перед тобой, поэтому на первых порах, конечно, буду помогать. А в дальнейшем, я надеюсь, ты найдешь себе работу с достойным заработком. Ведь, если мне не изменяет память, у тебя высшее образование.

«Еще бы она тебе изменила», – подумала Ника, ведь они заканчивали один институт, кстати, там и познакомились. Когда она поступила на первый курс, Николай уже перешел на третий, но Нику заметил почти сразу и начал бомбардировать ее многозначительными взглядами, от которых у той часто застревал кусок в горле, потому что в основном атака предпринималась в столовой. Потом она передислоцировалась в библиотеку, ну а затем Вероника начала натыкаться на Николая в самых непредсказуемых местах. Вот таким образом он покорил ее сердце и потом затащил в загс.

Вероника тряхнула гривой густых рыжих волос, освобождая мозги от воспоминаний. И, взглянув с презрением на Николая, произнесла почти спокойно:

– Ладно, не пропаду. Я сейчас кое-какие вещи соберу, а за остальными потом заеду. Надеюсь, машина остается моей? Ты же подарил мне ее на день рождения.

– Конечно, конечно, дорогая, все подарки остаются в твоем пользовании навечно, так сказать, твоим неделимым имуществом.

– Между прочим, дорогой, что касается имущества, то, насколько мне известно, оно должно делиться в равной степени между супругами, – с сарказмом заметила Вероника.

– Ну, заинька, не заводись. Ты же прекрасно знаешь, что я могу отправить тебя к твоей мамочке голышом, если захочу. Так что давай не будем ссориться, я думаю, ты должна быть довольна. Дача моя нехилая, денег стоит немалых, и она будет принадлежать тебе, слово джентльмена. Машина тоже неплохая, да и драгоценности твои недешевы, так что, я думаю, все справедливо. И потом, разве ты забыла, что я вкалывал как проклятый, чтобы обеспечить тебе беззаботную жизнь?

– Если ты считаешь, дорогой, что годы, потраченные на то, чтобы создать тебе уют и комфорт, ничего не стоят, тогда жизнь – это просто дермо! – зло прошипела Ника.

– Ну, ну, мы же вроде с тобой договорились – никаких истерик с твоей стороны.

– Это вовсе не истерика, – уже почти спокойно произнесла Вероника, – просто обидно, что все заслуги в твоей работе ты относишь только на свой счет. Я, если тебе не изменяет память, тоже не последний человек в создании твоего ныне процветающего бизнеса. Когда дела пошли в гору, ты сам посадил меня дома, аргументируя это тем, что негоже жене босса у компьютера горбатиться.

– Да, да, заинька, ты, конечно, права. Но что же я могу поделать, если случилось то, что случилось? Сердцу, как известно, не прикажешь. Можешь ты понять, что я не люблю тебя

больше? Детей у нас нет, поэтому нас ничто не связывает и я вправе распоряжаться своей судьбой, как мне удобно.

— Понимаю я все, не дура, я, между прочим, тоже по тебе не сохну, — зло выпалила Ника и, резко развернувшись, пошла к себе в комнату собирать вещи.

Она побросала в сумку то, что попалось под руку, и быстро прошла к двери. Николай в это время с кем-то говорил по телефону, поэтому не увидел, как его отставная супруга выскользнула за дверь. Его машина стояла недалеко от подъезда, и Вероника увидела в открытом окне смазливую мордашку молоденькой блондинки с нагловатым взглядом.

«Да, милый, — злорадно подумала Ника, — эта акула с остренькими зубками быстро приведет твоё финансовое состояние в упадок, еще вдобавок к этому наставит тебе такие рога, что голова закачается».

Веронике почему-то совершенно не хотелось бороться за свое семейное счастье, и, если честно, она уже давно ждала подобного исхода. Их отношения с Николаем вот уже год как стали более чем прохладными, и женское чутье ей подсказывало, что у мужа кто-то есть. Но Вероника старалась не забивать этим мозги, так как уже давно не испытывала к нему любви. По привычке она держала дом в надлежащем порядке и так же, по привычке, ложилась с Николаем в постель. Но все же сегодняшнее заявление было неожиданным и, что уж греха таить, конечно, неприятным, поэтому выбило ее из колеи.

Вероника прошла к своей машине и, забросив тяжелую сумку в багажник, выехала со двора. Она решила в первую очередь заехать в магазин, чтобы купить хоть каких-нибудь продуктов. На даче был отключен холодильник, поэтому, естественно, там не было ничего. Вероника вдруг почувствовала себя совершенно несчастной и ужасно голодной.

Нужно заехать где-нибудь перекусить и уж потом направляться за город.

Настроение было — нарочно не придумаешь, хотелось уснуть, а проснуться на Марсе, чтобы вокруг никого не было — ни мужиков-кобелей, ни баб-шалав.

«А вот интересно, я смогла бы мужа от жены увести? Наверное, нет, а там кто его знает, любовь зла. Ну, держись мужское население, я вам покажу, где раки зимуют. Буду теперь вам мозги морочить налево и направо и бросать не сожалея».

Ника подъехала к кафе и, оставив машину на стоянке, направилась к двери. В это время оттуда выскочил молоденький парень и чуть не сбил ее с ног.

— Ой, извините, ради бога, я не хотел, — выпалил он. — Я, представляете, только что «Джек-пот» выиграл, вот за паспортом бегу, без него выигрыш не выдают. Я здесь рядом живу, от радости совсем ничего не вижу, простите меня, пожалуйста.

В глазах юноши светился такой восторг, что Нике невольно подумалось: «Да, вот для него жизнь удивительна и прекрасна, и ничто сейчас не может омрачить это счастливое лицо». А вслух она, улыбнувшись, сказала:

— Я от души вас поздравляю, но все-таки под ноги и перед собой нужно обязательно смотреть.

Парень, все так же демонстрируя ослепительно белые зубы, со всех ног понесся по направлению к многоэтажкам.

Вероника вошла в кафе и села за свободный столик. За соседним сидела группа молодых парней и оценивающе разглядывала Нику. Она не обратила на них внимания, подозвала официантку и заказала себе эскалоп с картофелем фри, овощной салат, а на десерт два пирожных, чашечку кофе и мороженое. Пока дожидалась заказа, оглядела зал. Он был разделен надвое, во второй половине размещались игровые автоматы, там царило азартное оживление. Ника улыбнулась, вспомнив парнишку, чуть не сбившего ее с ног на входе в кафе, и его счастливое лицо.

«Надо же, в таком маленьком зальчике, совсем неприметном с виду, бушуют такие страсти. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает».

Веронике вдруг захотелось пройти туда и убедиться, правду ли гласит пословица: не везет в любви, повезет в игре. Она решительно встала и вошла в игровой зал. Рядом с одним из автоматов стояла куча молодых ребят и напряженно следила за игрой. То и дело доносились возгласы либо одобрения, либо разочарования. Ника, огляделась, подошла к автомату, который ей больше всех приглянулся, и вложила в него сто рублей. На табло «кредит» высветилась цифра «пятьдесят». Ника нажала на игровую панель, и на табло забегали картинки. Когда они остановились, на панели слева высветилось число «семьсот», и тут же эти цифры начали слипаться ниже. Ника испугалась и подозвала парня, который ходил по залу, наблюдая за игроками.

- Молодой человек, помогите мне разобраться, что это означает?
- Это значит, что вы только что выиграли семьсот кредитов, а в переводе на деньги – тысячу четыреста рублей.
- Вы шутите? – удивленно спросила Ника.
- Какие могут быть шутки, девушка?
- И что, я могу получить эти деньги?
- Конечно, если не захотите поиграть еще. Вам, видно, сегодня везет как новичку, так что, если вы продолжите игру, можете выиграть намного больше.
- Нет, я лучше пока играть не буду. Вон там, в кафе, мне уже принесли ужин, и официантка, кажется, меня потеряла. Вы, пожалуйста, выдайте мне выигрыш, а я потом подойду.
- Дело ваше, – сказал распорядитель и достал большую связку ключей, чтобы открыть автомат или еще что-то там с ним сделать, Ника абсолютно в этом не разбиралась. Парень подошел к окошечку кассы и произнес:
- Галочка, семьсот кредитов, девятый.
- Потом повернулся к Веронике и пригласил ее к кассе.
- Пожалуйста, девушка, получите свой выигрыш.
- А паспорт нужен?
- Нет, паспорт требуется, только когда выпадает «Джек-пот».
- А «Джек-пот» – это много?
- Вот как раз сегодня один паренек выиграл миллион триста шестьдесят тысяч рублей.
- И вы прямо здесь выдали ему эту сумму? – округлила глаза Вероника.
- Пока еще не выдали, он пошел за паспортом, а когда оформим все документально, закажем эту сумму, и завтра он уже сможет ее получить.
- Здорово, никогда не думала, что можно выиграть столько денег. Мне вообще никогда не везло, сколько раз брала лотерейные билеты, хоть бы раз выиграла, а у вас вот сразу, и такую сумму.
- У нас не лотерея, здесь совершенно иная система, и практически она беспрогрышная.
- Здорово! – еще раз восхитилась Ника. – Я обязательно к вам еще приду, мне понравилось выигрывать.
- Ну, еще бы! – усмехнулся парень.

Вероника спрятала деньги в кошелек и, довольная своей удачей, прошла в кафе. Сев за свой столик, она с удовольствием съела эскалоп с картошкой, закусила пирожным, выпила кофе и принялась за мороженое. Когда она его уже приканчивала, увидела в дверях того самого паренька, который чуть не сбил ее при входе. Он пулей влетел в зал игровых автоматов и сунул в окошко паспорт. Ника еще раз посмотрела на его довольное лицо, отметила про себя, какое оно открытое, и поднялась, чтобы уйти. В дверях она задержалась и подумала: «Может, еще сыграть?» – но потом отмела эту мысль и благоразумно удалилась. Дорога до дачи была неблизкой, поэтому, когда Ника туда добралась, часы показывали уже двадцать три часа сорок пять минут. Оставалось только приготовиться ко сну и спокойно отправиться в гости к Морфею, что она и сделала. «Утро вечера мудренее», – подумала она, засыпая.

Глава 2

Разбудил Веронику телефонный звонок. Она подняла трубку и услышала радостный голос своей матери:

– Никочка, деточка, доброе утро! Я позвонила тебе домой, а Николай сказал, что ты уехала на дачу. У тебя все в порядке?

– Да, мам, все о'кей, – сонно пробормотала Ника. – У тебя какое-то дело ко мне, или ты просто так позвонила?

– А что, уж матери просто так и позвонить нельзя? – обиженно проворчала Анна Михайловна.

– Нет, ну что ты, мам, не обижайся. Просто я вчера поздно легла и никак не могу проснуться. Кстати, который сейчас час?

– Уже восемь утра, моя милая, так что пора просыпаться.

– С ума сойти, – проворчала Ника, – а пораньше ты не могла позвонить?

– Скажи спасибо, что так поздно позвонила, еле удержалась, чтобы не разбудить тебя в три ночи.

– Да что случилось-то, Анюта?

– Поздравь меня, доченька, я выхожу замуж.

– Интересно, кто же этот несчастный?

– Напрасно иронизируешь, моя милая, не чета твоему новоиспеченному «новому русскому». Мой будущий муж – канадец и, между прочим, миллионер.

– И что, миллионер тебе предложил выйти замуж?

– По всей форме, девочка моя, с цветами, шампанским и колечком.

– И ты с ним в Канаду укатишь?

– А как же? Куда иголочки, туда и ниточки.

– А свадьба где будет, здесь или в Канаде?

– Здесь, здесь, моя дорогая, у нас роспись уже через четыре дня, а через два дня после регистрации мы улетим в свадебное путешествие по Европе.

– Мам, но это же невозможно, чтобы вас так быстро расписали, он же не российский подданный.

– Девочка моя, ты себе даже не представляешь, каких чудес можно добиться с помощью денег, особенно если они имеют зеленый цвет.

– Анна, что-то не очень мне все это нравится. Он, случайно, не брачный аферист, уж больно все удачно складывается?

– Никочка, неужели ты думаешь, что твоя мать может попасться на подобную удочку? И потом, зачем ему это было бы нужно? Я не состоятельная мадам, а просто эффектная женщина, а он вдовец, одинокий пожилой человек, ни детей, ни родственников.

– Аннушка, с каких это пор тебя на пожилых господ потянуло?

– Ну, моя милая, если бы ты увидела его банковский счет, думаю, и тебя бы потянуло.

– Ты что же, видела его банковский счет?

– Нет, дорогая, только его кредитные карточки. Поверь, я кое-что в этом понимаю.

– Сколько же ему лет?

– Ну, для мужчины, я думаю, еще не очень много. Ему семьдесят четыре.

– Сколько?

– Семьдесят четыре. Ты что, глухая?

– Ну, мамуля, ты даешь, до чего же ты, оказывается, меркантильная дама.

– Моя дорогая, я уже в таком возрасте, когда пора подумать о благополучной старости. Жизнь, она настолько быстротечна, что не успеешь оглянуться, и уже пенсионерка. А здесь

перспектива стать состоятельной леди и не думать о хлебе насущном в преклонном возрасте. Нет, дорогая, такой шанс я упустить не могу, это было бы преступлением.

– Мам, но ведь ты уедешь.

– Радуйся, дурочка, теперь вся квартира в твоем полном распоряжении, сможешь ее сдать в аренду и иметь наконец свои собственные деньги. А то просишь постоянно у своего жлоба.

– Мы с ним разошлись.

– Что сделали? Повтори, пожалуйста.

– Разбежались, мама, разъехались.

– Ну, наконец-то я услышала из уст своей дочери хоть одну приятную новость. Так, значит, ты поэтому на даче торчишь?

– Я только вчера сюда приехала, он, между прочим, обещал на меня ее переоформить.

– Очень хорошо, значит, ему ни в коем случае нельзя знать, что я в скором будущем уеду за границу на ПМЖ, иначе тебе этой дачи не видать, как собственных ушей без зеркала.

– Что ты такое говоришь, Аня? Он дал мне слово джентльмена.

– Не смеси меня и слушай, что говорю. Никогда и ни в чем не доверяй мужчинам, всегда имей свой козырь в рукаве. Ладно, дорогая, болталась я с тобой, а у меня еще дел невпроворот. Ты давай-ка собирайся и приезжай ко мне, здесь и поговорим, я заодно тебя с твоим будущим отчимом познакомлю. Он тебе непременно понравится, вот увидишь, прямо душка. Все, целую и жду.

Вероника положила трубку и вдруг расхохоталась:

– Ай да Аннушка, вот отмочила так отмочила!

Спать, конечно, тут же расхотелось, и Ника встала с постели. Она прошла на кухню, достала из холодильника пакет сока и, налив себе целый стакан, вышла в сад. Этим летом они с Николаем приезжали сюда всего два раза, поэтому Вероника даже не успела привести цветы в порядок. Но, несмотря на это, все равно сад выглядел красивым и уютным. Ника села на скамеечку, которую в прошлом году соорудил их сосед по даче, Семен Степанович, бывший военный, а ныне пенсионер.

«Итак, что же мы имеем на сегодняшний день? – подумала она. – Я развозжусь с мужем, а матушка, как раз наоборот, выходит замуж. Ирония судьбы, больше это никак не назовешь. Ну ничего, из всего негативного нужно уметь извлекать позитивное. Мать права, теперь у меня будет свободная квартира, а значит, появятся хоть какие-то деньги. На данный момент у меня в кошельке восемьсот долларов и еще те деньги, которые я выиграла вчера. Думаю, какое-то время я продержусь. Николай сказал, что будет помогать, но думаю, что я уже никогда не возьму из его рук ни копейки. Пусть тратит их на свою блондинку, а я уж как-нибудь сама».

Вероника прошла обратно в дом и только сейчас увидела, сколько здесь накопилось пыли. Вчера ей было не до этого.

– Вот и хорошо, будет чем заняться, а то от мыслей голова опухла.

Она взяла ведро, тряпки и приступила к уборке. Она вылизала весь дом, от первого этажа до второго. Не стала только заходить в их с Николаем спальню. То ли из вредности, то ли еще по какой причине, она и сама не могла сейчас этого объяснить, но даже не открыла туда двери. За уборкой время пролетело незаметно, и только когда Ника почувствовала, что желудок начал подавать тревожные позывные, она взглянула на часы. Они показывали уже четверть первого.

– Вот это да! Пора бы что-нибудь перекусить и собираться к матери.

В это время зазвонил телефон.

– Ну вот, легка на помине, – проворчала Ника и взяла трубку.

Но это была не мать, а Николай, что ее немало удивило.

– Дорогая, как ты там устроилась?

– Нормально. Тебя что, это каким-то образом волнует?

– Конечно, волнует, ведь ты же не чужой мне человек, я все-таки несу ответственность за тебя, как-никак мы вместе прожили пять лет, а это срок немаленький.

– Послушай, Николай, тебе не кажется, что это по меньшей мере смешно? Ты приходишь к жене, объявляешь ей о том, что любишь другую, можно сказать, выпроваживаешь из дома, а утром интересуешься, как она устроилась. Ты, часом, не болен?

– Заинька, мы же договорились не опускаться до выяснения отношений, мы же интеллигентные, образованные люди, что ты опять заводишься? Что плохого в том, что меня интересует, как ты там устроилась? У тебя, кстати, есть деньги? Если нет, то ты можешь подъехать ко мне в офис, я дам сколько нужно.

Веронику развеселило это предложение, и она выпалила:

– Да, дорогой, мне очень нужны деньги. Хочу поехать за границу, подлечиться от нервного расстройства. Вчерашние события явились для меня настоящим шоком, поэтому мне просто необходимо лечение. И еще, очень тебя прошу, не называй меня больше заинькой, а то у меня появляется желание съесть морковку. Я терпела эту «заиньку», пока была твоей женой, а сейчас не желаю.

– Конечно, дорогая, я полностью с тобой согласен. Сколько нужно денег для такой поездки? – торопливо спросил Николай, пропустив мимо ушей замечание про заиньку.

– Думаю, сорока тысяч долларов на это хватит, – припечатала Ника, еле сдерживая смех. Ответ Николая заставил ее рот остаться на некоторое время открытым.

– Нет проблем, милая, приезжай, я дам тебе сорок тысяч.

– Ты не шутишь? – ошаращенно пролепетала она.

– Нет, не шучу, – твердо ответил Николай, – но тебе, моя милая, придется подписать кое-какие документы.

– Какие документы?

– Приедешь и все узнаешь, я жду тебя через два часа, обо всем и поговорим, а сейчас мне некогда, прости.

Николай повесил трубку, а Вероника еще некоторое время с недоумением смотрела на свою, держа ее в руках.

«Интересно, что он задумал и какие документы мне нужно подписывать? Что-то не нравится мне это, совсем не нравится. Никуда я не поеду и никаких денег брать тоже не буду. В принципе я и не собиралась этого делать, просто решила подшутить над ним. Если честно, сейчас я в еще большем шоке, чем от вчерашних событий. Я знаю, что фирма дает неплохую прибыль, но даже не подозревала, что Николай вот так запросто может выложить сумму в сорок тысяч долларов наличными. Значит, он все время меня обманывал, когда говорил, что бизнес дает в месяц не больше девяти-десяти тысяч, из которых большая половина уходит на текущие расходы фирмы. Я совершенно этому не удивлялась, так как прекрасно знала, что только за аренду нужно платить три тысячи долларов. Значит, бизнес дает намного больше?»

Эта дача осталась Николаю от отца, квартира тоже, жили мы, конечно, очень хорошо. Я, во всяком случае, ни в чем не нуждалась, но и откладывать в чулок как-то не получалось. Николай все время говорил, что фирме нужно расти, для того чтобы в будущем мы могли бы сколотить небольшой капитальчик. А пока все деньги уходят на расширение. Значит, он меня обманывал? А сам тем временем прятал от меня деньги».

До Вероники вдруг дошло, что за документы она должна будет подписать. Ведь они являются соучредителями в равных долях, и по закону Ника имеет право на половину прибыли от фирмы. Она перестала интересоваться делами после того, как муж посадил ее дома, решила быть просто женой. Тогда отношения у них с Николаем были просто замечательные, она полностью доверяла ему и никогда не думала, что когда-нибудь может случиться то, что случилось вчера.

— Так, теперь мне кое-что понятно. Нужно поехать к юристу и получить квалифицированную консультацию по вопросам соучредительства. Не мешало бы еще узнать о финансовом состоянии фирмы. Николай, конечно, трудоголик, и я не в коей мере не ущемлю его интересов. В конце концов это его заслуга, что фирма до сих пор функционирует и, как я теперь поняла, процветает. Но ведь и я на первых порах тоже не сидела сложа руки. Можно сказать, всю черную работу, когда нужно было раскрутить бизнес, я и сделала, а как только все пошло словно по маслу, меня мой муженек и убрал. Вот хитрый, он это специально провернул, чтобы я не знала, как обстоят дела на самом деле. Вешал мне лапшу на уши, а я их и развесила. Господи, до чего же мы бабы дуры! Ну, ничего, мой милый, я не я буду, если до конца во всем не разберусь. А сейчас отправлюсь-ка я к матери, а ты поломай мозги, почему это твоя бывшая благоверная не примчалась к тебе галопом, когда ты ей пообещал такую сумму.

Ника быстренько перекусила, привела себя в порядок и, закрыв дом, пошла к машине. Уже садясь за руль, услышала голос соседа:

— Вероника, это когда же ты приехала, что-то я не видел тебя вчера?

— Здравствуйте, Семен Степанович, я поздно ночью приехала и сразу спать легла, вот вы и не видели.

— Николай-то с тобой?

— Нет, он в городе остался, работы много, а я вот решила здесь немного пожить, в Москве дышать нечем, жара уже вымотала. А сейчас к маме еду, она позвонила, просила ее навестить. Вечером я обратно, тогда и зайду к вам, чайку попьем.

— Заходи, Ника, заходи, я всегда гостям рад. Дело старицкое невеселое, скучно одному вечера коротать, вот ты меня немного и развеселишь. У меня варенье клубничное есть, угощу тебя.

— Спасибо большое, я обязательно приду.

Ника села в машину и выехала. Когда она свернула с МКАД на Ленинградское шоссе, на одном из зданий на глаза попалась огромная вывеска: «Квалифицированная помощь юриста».

«О, на ловца и зверь бежит! — подумала она и начала искать место, где поставить машину. — Забегу, проконсультируюсь, чтобы следующую нашу встречу с бывшим супругом провести на высшем уровне, «в теплой, дружеской обстановке». Очень мне интересно будет посмотреть на его перекосившуюся физиономию».

Вероника вошла в здание и поднялась на второй этаж. Кругом бегали люди с какими-то бумагами, папками или просто с бокалами и чайниками.

— Простите, где я могу найти юриста? — поинтересовалась Ника у молоденькой девушки на дико высоких каблуках, что-то читающей в раскрытой папке.

— Третья дверь налево, — бросила та, даже не взглянув, кому отвечает.

Вероника задумалась: «Третья дверь от начала коридора или третья дверь отсюда, где я стою? Ладно, пойду сначала отсюда».

На той двери, куда направила ее девушка, не было никакой вывески, поэтому она осторожно постучала. Не услышав ответа, Вероника приоткрыла дверь, но там никого не было. Она вошла в помещение и увидела вторую дверь, и уже на ней сверкала вывеска — «ЮРИСТ».

«Ну, наконец-то!» — подумала Вика и заглянула в кабинет.

За столом сидел довольно импозантный мужчина, а прямо перед ним, на столе вместо чернильницы сидела размалеванная девица и широко улыбалась. Увидев взъерошенную рыжую голову Вероники, так бесцеремонно пролезшую в проем двери и нарушившую их идиллию, девушка моментально спрыгнула со стола, а мужчина зачем-то начал поправлять галстук, который в этом абсолютно не нуждался.

— Можно войти? — пролепетала Ника, ужасно смущившись. — Извините, пожалуйста, мне нужен юрист. Я не ошиблась, это вы?

— Да-да, проходите, — торопливо заговорил мужчина, перебирая на столе какие-то бумаги.

Он явно был смущен и старательно пытался это скрыть. Девица тем временем ужом выскользнула из кабинета.

– Вы по какому вопросу? – спросил мужчина у Вероники, не поднимая глаз.

– Видите ли, у меня очень деликатная тема, и я даже не знаю, как ее сформулировать. Мне нужна квалифицированная консультация по вопросу партнерства, вернее, соучредительства.

Юрист наконец поднял глаза и увидел, что Ника до сих пор стоит перед его столом. Он, как бы опомнившись, засуетился.

– Что же вы стоите? Присаживайтесь, в ногах правды нет. Если вас интересует этот вопрос на профессиональном уровне, то разговор предстоит долгий.

Вероника стояла и не могла двинуться с места, будто ее ноги в одну секунду превратились в пудовые гири. Никогда в своей жизни она еще не видела столь прекрасных голубых глаз. Они составляли неповторимый контраст с густыми черными волосами, просто упасть и не встать. А взгляд у этого юриста был такой, что, предложи он Нике прямо сейчас и здесь заняться любовью, она бы не сумела отказать.

– Ну, что же вы стоите? – повторил он. – Присаживайтесь, я отвечу на все ваши вопросы.

Вероника наконец стряхнула с себя оцепенение и уселась на предложенный стул. Такое с ней произошло впервые в жизни. В горле пересохло, в ушах звон. И тут она вдруг поняла, что с ее бывшим мужем, наверное, произошло то же самое, и моментально почти простила его. Юрист тем временем задавал ей какие-то вопросы, а она отвечала на них, глупо улыбаясь. Когда до нее наконец дошел смысл сказанного, она тут же стала серьезной и уже более внимательно и детально обо всем его расспросила. Только спустя два часа она, до чертиков вымотанная, но ужасно довольная, собралась уйти. Теперь она была подкована в интересующем ее вопросе на все четыре лапки и смело могла утереть нос своему зажиревшему экс-супругу. Уже у самых дверей Вероника оглянулась и пробормотала:

– Вы меня извините, если возникнут какие-нибудь вопросы, я могу к вам обратиться?

На что получила лучезарную улыбку и твердый ответ:

– Конечно, это моя работа, и я буду очень рад вам помочь. Вы, кстати, можете звонить мне в любое время, в визитке, которую я вам дал, три телефона, по какому-то из них вы меня в любом случае найдете.

Вероника уже взялась за ручку двери, когда услышала:

– Если вы позвоните мне просто так, без дела, я буду рад еще больше.

Она не оглянулась и тут же выскочила за дверь, делая вид, что не рассыпала последних слов Романа Сергеевича, так звали юриста. Она прижала руки к груди, опасаясь, что сердце вот-вот выскочит оттуда.

Ну что ж, теперь можно и к матери ехать, хотя, если честно, сил уже нет. Мозги мне загрузил этот голубоглазый по полной программе, есть над чем подумать, да и помечтать тоже есть о чем.

Вероника села в машину и поехала к дому своей матери. По дороге она решила заскочить в «Макдоналдс», чтобы немного перекусить. В этой, раскинувшей свои щупальца по всей Москве закусочной Ника пристроилась в очередь. Когда она дошла до кассы, то на ее подносе оказалось неимоверное количество вредных бургеров, пирожков и прочей холестериновой еды. Ника поисками глазами свободный столик и прошла к тому, что стоял у окна. Запихивая в рот горячий гамбургер, она смотрела в окно и думала: «Информацию я сейчас получила очень интересную, будет теперь чем удивить Королева. А юрист-то как хорош, прямо картишка. Никогда не думала, что вот так, с первого взгляда, можно обалдеть от мужчины».

Глава 3

Вероника направилась к своей машине, села за руль и поехала в сторону спального района. Мать встретила ее сияющей улыбкой и прямо с порога начала рассказывать, какая она счастливая и как ей наконец-то повезло в жизни.

– Мне до сих пор не верится, дорогая, что буду я иметь все, что только душа пожелает. Ты даже представить не можешь, до чего же это прекрасное чувство. Ты, кстати, почему так поздно приехала? Я же еще утром сказала, чтобы ты собирались, хотела познакомить тебя с Эдвардом. А сейчас он уехал по делам.

– Еще успею познакомиться, мам. А приехать раньше не могла, у меня тоже кое-какие дела были.

– Ну, расскажи мне, что же у вас случилось с Николаем? Отчего вы решили развестись?

– Это он пришел к такому решению, а не я. Его, видишь ли, поразило ударом молнии, и он влюбился в юную блондинку.

– Вот кобель, а? Я тебе всегда говорила, что все мужики сволочи и с ними нужно держать ухо востро. А что касается твоего Николая, так я его никогда не любила, ты же знаешь.

– Это у вас взаимно, Аннушка, он тоже не сгорает от любви к своей теще, то бишь к тебе.

– Мне абсолютно наплевать на это, но мне никогда не было безразлично, как он относится к тебе. Ты моя единственная дочь, и что бы там обо мне ни говорили, я люблю тебя.

– Ладно, мам, что ты в самом деле, я тебя тоже очень люблю, и никто ничего о тебе не говорит.

– Знаю, знаю, что болтают. Мне, если честно, и на это наплевать. Ну люблю я мужчин, что я могу поделать? Вот сейчас выйду замуж и останусь.

– Ой ли, мамочка?

– Ну, подожду, пока вдовой не стану, хотя искренне этого не хочу. Эдвард настоящий мужчина, сейчас такие большая редкость.

– Мам, он же старше тебя почти на тридцать лет. Что ты с ним в постели-то делать будешь?

– В постели все в порядке, дорогая, он пока еще в форме, как это ни удивительно.

– Да ну?

– Вот тебе и да ну, сама, между прочим, удивилась. Он ведет здоровый образ жизни, не пьет, не курит и занимается спортом. Еще, ко всему прочему, он вегетарианец.

– Ну, тогда совет вам да любовь, мама! Я, честное слово, от души этого желаю.

– Спасибо, девочка моя, спасибо, дорогая, я очень надеюсь, что буду счастлива. Ведь с твоим отцом мне столько пришлось пережить.

– Не надо, мама, я все прекрасно знаю и не осуждаю тебя. Давай закроем вопрос, а ключик потерял, ладно?

– Ну, хорошо, не будем о грустном. Давай-ка лучше о тебе поговорим. Что ты думаешь делать дальше?

– Если честно, не знаю пока. Нужно немного в себя прийти, а уж потом думать. Конечно, на работу устроюсь, ты же знаешь, я неплохой специалист.

– А нужно ли тебе это, девочка моя? Я уеду, квартиру сдашь в аренду, деньги у тебя будут. Ну и я, конечно, тебя не оставлю. Между прочим, загранпаспорт у тебя есть, так что ты смело можешь сейчас с нами поехать. Отдохнешь, развлечешься, может, там тоже свою судьбу найдешь. У Эдварда знаешь какие знакомые? Все сплошь состоятельные люди, он мне рассказывал.

– Ага, и все сплошь пенсионеры, – проворчала Вероника.

– Ну и что? Зато богатые, – парировала Анна Михайловна.

— Спасибо, мамочка, но я пока здесь должна оставаться, нужно кое-какие дела завершить, а уж потом, может, и приеду погостить.

— Как хочешь, доченька, ты уже взрослая, не мне тебя учить, да если бы и захотела поучить, все равно же сделаешь по-своему. Характер у тебя мой, абсолютно неуправляемый. Я тебе предложила, а ты уж сама решай, как поступить. Только в одном ты не в меня пошла. Я вон тебя в восемнадцать лет родила, а тебе уже скоро двадцать девять будет, а бабушкой меня до сих пор не сделала, — покачав головой, посетовала Анна Михайловна.

— Ладно тебе, мам, еще успею. Не думаю, что тебя это очень расстраивает, ты же до обморока боялась стать бабушкой.

— Теперь обстоятельства изменились, так что смело можешь рожать, — засмеялась Анна Михайловна.

— Приму к сведению, Аннушка, и, как только появится достойный претендент на роль отца моему ребенку, сразу же затащу его в постель без всяких там противозачаточных таблеток, — полуслыша, полусерьезно выдала Вероника, глядя невинными глазами на свою мать.

— А что, это тоже неплохой вариант, лишь бы гены были нормальные, а воспитать ребенка без мужа, так это сейчас каждая вторая женщина делает у нас в России, — пожала плечами Анна Михайловна.

— Значит, если что, не откажешься от孙ка или внучки?

— Что за глупости ты несешь, Вероника? Совсем из меня монстра сделала, — заворчала мать. — И потом, девочка моя, что за странные разговоры? Ты что, собралась уже рожать и сама не знаешь, от кого?

— Только ты такое могла придумать, — покачала головой Вероника. — Совсем от счастья крыша потекла?

— Вероника, как тебе не совестно так разговаривать с матерью? Что за вульгарный тон?

— Мама, это не считается сейчас вульгарным, это совершенно нормальная лексика.

— С ума можно сойти, — вздохнула та и направилась в кухню. — Пойдем чайку попьем, у меня торт есть. Сейчас достанем клубничное варенье, хотела сегодня пирожков испечь, но передумала.

— Мам, что это с тобой? Ты же за километр обходила все продукты, которые грозили прибавить к твоим бедрам хоть один лишний грамм.

— Ничего страшного, — беспечно махнула рукой Анна Михайловна, — иногда можно себя порадовать чем-нибудь. Тем более теперь, когда я выхожу замуж, один лишний грамм ничего не значит.

— Мам, ты сказала, что Эдвард одинокий, пожилой человек, ни детей, ни родственников. А почему у него никого нет?

— Ой, доченька, это такая трагическая история. Я когда ее услышала, прямо несколько дней не могла успокоиться.

— Что за история?

— У Эдварда была семья, жена и двое детей. Еще с ними жила его сестра, она старой девой была, замуж так и не вышла, вот и осталась в их семье, по хозяйству помогала, детей нянчила. Дом у них был большой, за городом, ферма своя. У Эдварда был конезавод. Они в то время в Калифорнии жили. Однажды ночью загорелся завод и одновременно с нескольких сторон занялся дом. Охрана на заводе быстро заметила пожар, и его удалось потушить за несколько минут. Когда подбежали к дому, огня практически не было, только едкий дым. Вытащили всех на улицу, пока врачи приехали, пока суд да дело, в общем, погибли они все, отравились угаром. Эдвард один выжил, организм покрепче, мужчина все-таки. Из больницы когда вышел, хотел правду найти, в полицию пошел, а там только руками разводят. Ничем помочь не можем. А он точно знал, что это поджог, и даже предполагал, чьих это рук дело, но доказать ничего не мог. Поэтому, не долго думая, он продал свой конезавод, кстати, считавшийся тогда самым луч-

шим в Калифорнии, и уехал в Нью-Йорк. Деньги, которые были у него после продажи завода и лошадей, он вложил в акции тогда не очень крупного предприятия, а сам устроился на ипподром. Через пять лет акции принесли целое состояние. Дальше деньги были вложены в дело, и пошло-поехало. Эдвард не мог успокоиться, он всегда помнил о том, что должен найти убийцу своей семьи. Вот этому он и посвятил свою жизнь, по этой же причине не завел второй семьи.

– Он его нашел, я имею в виду убийцу? – спросила Вероника, пораженная рассказом матери.

– Да, нашел и наказал, как посчитал нужным. Об этом он мне не стал рассказывать, а я не настаивала, прекрасно понимая, как это тяжело. Эдвард замечательный, ты сама поймешь, как только его увидишь.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, мамочка, раз ты его выбрала, значит, так оно и есть.

– Не нужно меня идеализировать, – махнула та рукой, – если бы не его деньги, я, может, и поломалась бы. Что уж говорить, я не без греха.

– Ты не обижайся, я поеду, хорошо? – осторожно сказала Ника, виновато заглядывая матери в глаза.

– Почему так быстро, и не побыла совсем? – обиженно проворчала Анна Михайловна.

– Дела у меня, не дуйся. Завтра, честное слово, приеду и пробуду с тобой целый день, – затарапорила Вероника и чмокнула ее в щеку.

– Вот как раз завтра, моя милая, ты мне и не нужна, у меня своих дел по горло. Нужно столько успеть до свадьбы, прямо голова кругом. У меня же нет ничего приличного, в чем можно, не краснея, пойти в загс. Эдвард полностью предоставил мне свой банковский счет и разрешил купить все, что мне захочется. Так что, сама понимаешь, я не могу упустить этой возможности и должна найти что-то умопомрачительное, чтобы после нашего бракосочетания еще долго вспоминали, как хороша была новобрачная. Я, между прочим, хотела показать тебе кое-какие авангардные направления в моде, новый журнал купила, хотела с тобой посоветоваться. Не хочешь присоединиться и проехать по бутикам вместе со мной?

– Ой, мама, нет, нет, ни в коем случае, у меня дел вагон и маленькая тележка, – торопливо выдохнула Вероника. Когда она только на минуту представила себе этот поход, ей заранее стало дурно. Чтобы не совсем обидеть мать, она добавила:

– Я приеду к тебе в день свадьбы и помогу одеться.

– Я тебе сама позвоню и скажу, когда можно будет приехать.

– О'кей, Анечка, договорились, – прощебетала дочь и тут же выпорхнула за дверь.

Ника любила свою мать, но разговоры с ней ее неизвестно утомляли, потому что они всегда плавно переходили на тему о мужчинах, последней моде, косметике и новых методах омоложения. Поэтому она старалась сократить до минимума пребывание в ее компании.

Она решила отправиться к своей закадычной подруге Светке. У нее Ника всегда отдыхала – душой и телом. Света была беременна и должна была родить со дня на день. Они с мужем Виктором жили недалеко от квартиры Анны Михайловны, поэтому Веронике потребовалось всего три минуты на машине, чтобы оказаться во дворе их дома. Прямо в нем расположилась булочная-кондитерская, и Вероника заскочила туда, чтобы купить торт к чаю. Она легко взлетела на второй этаж и уже через минуту была в объятиях своей лучшей подруги.

– Никуська, какая же ты умница, что приехала, я сто лет тебя не видала, соскучилась до ужаса! Ну, рассказывай, как ты, моя дорогая? Что у тебя новенького? Как Николай?

– Угомонись, дай хоть разуться, – засмеялась Вероника. – На-ка, тащи на кухню торт, давай чайку попьем. Я, между прочим, у матери сейчас была, она тоже торт на стол выставила, а я специально не стала есть, чтобы у тебя полакомиться в расслабленной обстановке. Сейчас за стол сядем, и тогда задавай свои вопросы сколько хочешь.

Света схватила торт и семенящей походкой, вразвалочку пошла на кухню. Передвигалась она тяжело, было уже заметно, что живот опустился и малыш скоро попросится на волю. Но

она очень проворно накрыла на стол, порезала торт и уселась напротив Вероники, подперев кулачком щеку.

– Ну, рассказывай.

– Ой, Светка, даже и не знаю, что рассказывать в первую очередь, о плохом или о хорошем? – пробормотала Ника.

– Давай по порядку, – спокойно ответила будущая мама.

– Ну, если по порядку, то первая новость о том, что мы с Николаем разводимся, – выпалила Вероника. – А вот вторая новость, я думаю, похожа на бред сивой кобылы. Мне кажется, что я влюбилась, причем с первого взгляда.

Света округлила свои и так круглые глаза до неимоверных размеров.

– Ты что, шутишь? – удивленно спросила она.

– Что ты имеешь в виду? Шучу ли я по поводу развода или про любовь с первого взгляда? – засмеялась Ника.

– По поводу развода. Ведь вы с Николаем так хорошо жили, я еще всегда своему Витьке вас в пример ставлю. Посмотри, говорю, как Коля Веронику любит, всячески еебалует, подарки дарит, на курорты возит. А ты возишь оперов в своем управлении за мизерную зарплату и в отпуск не можешь вовремя пойти. Он у тебя то зимой, то осенью, вечно у вас дела да случаи, а люди, между прочим, должны летом отдыхать.

– Это была видимость благополучной жизни, – вздохнула Вероника, – а на самом деле все давно не так, как раньше.

– Постой, постой, – затараторила Светлана, – ты сказала, что влюбилась. Так, значит, это и есть причина развода? Ну, Ника, какая же ты дурочка, я от тебя такого не ожидала. Стоит ли из-за мимолетного увлечения разбивать налаженную семейную жизнь?

– Успокойся, не в этом причина, я потом влюбилась, когда уже отставку получила, – заявила Ника и откусила от торта огромный кусок.

– И как давно случился сей знаменательный эпизод в твоей жизни? – с сарказмом спросила Светлана.

– Если ты о разводе, то это произошло вчера, а если о другом, то три часа назад, – промямлила Вероника с набитым ртом.

– Слушай, подруга, я ничего не понимаю, как у тебя все просто и быстро. Развод вчера, любовь три часа назад. Ты, часом, не заболела на нервной почве?

– Не-а, я здорова и телом, и душой, и вообще отцепись от меня. Давай-ка тортика поешь, вкусный, обалдеть! Лучше расскажи, как к родам подготовилась, похвались, что приобрела для малыша.

Вероника знала, что в последнее время Светка может часами болтать на эту тему, и она не ошиблась. Глаза подруги в ту же секунду загорелись фанатичным огнем, и она потащила Нику в детскую комнату показать, как она подготовилась к рождению первенца. Там уже стояла кроватка под балдахином, который украшали трогательные зайчики. Тут же находились пеленальный стол и маленький комодик для детских вещей. На столе громоздилась целая коллекция бутылочек, шампуней, присыпок и кремов. У окна стояли детская коляска, столик со стульчиком и ходунки.

– Не рановато столик с ходунками приобрели? – смеясь, спросила Вероника.

– Да это все Витька, поехал и скупил все, что попалось на глаза, – махнула рукой Света. – Его родители дали нам тысячу долларов, чтобы у их первого внука было все. Ну вот Витя и постарался. Хорошо, велосипед не приволок, а то у него ума бы хватило.

В это время зазвонил телефон. Светлана взяла трубку, и тут же на ее лице заиграла широкая улыбка.

– Все нормально, милый, ко мне Вероника в гости пришла. Нет, ничего не болит, нет, не тянет, в туалет часто не бегаю. Конечно, сразу позову, если что, не волнуйся. Знаю, знаю, я тебя тоже очень люблю.

Света положила трубку, продолжая улыбаться.

– Звонит каждые полчаса, все боится, что я без него в роддом уеду. Вот дурачок, куда же я без него?

– Приспичит, не то что поедешь – побежишь, – изрекла Вероника. – Тебе когда рожать-то?

– Уже неделю перехаживаю, в том-то все и дело. В больницу не хочу ложиться, там же сразу стимулировать начнут, а я хочу, чтобы мой ребенок сам родился, без всяких вмешательств. Если перехаживаю, значит, время еще не пришло, природу не обманешь. Так что, моя дорогая, ты в любую минуту повивальной бабкой можешь стать, – засмеялась Светлана, – не боишься?

– Еще как боюсь, – испуганно сказала Ника, – слушай, ты серьезно можешь в любую минуту родить?

– Да нет, думаю, может, рассосется, – продолжала шутить Света.

– Хватит тебе смеяться, у меня что-то все поджилочки затряслись. Как ты так спокойно дома сидишь, когда знаешь, что с минуты на минуту у тебя могут роды начаться? В больнице было бы спокойнее.

– Я тебе уже объяснила, почему я не хочу раньше времени ложиться, овца ты бестолковая, – надув губы, проворчала Светлана. – Да не переживай ты так, не придется тебе роды у меня принимать, я пошутила. Вон телефон под рукой, «Скорая» на роды быстро реагирует, так что вполне успеют приехать, пока я разрожусь. Ты прямо как мой Витька, тот тоже дрожит, как осиновый листок. Ну он-то мужик, ему простительно, а ты прямо будто и не женщина, у тебя же инстинкты должны быть, как и что делать, если вдруг действительно что-то случится.

– Иди ты к лешему со своими инстинктами. Если что, я быстрее тебя тогда рожу неизвестно кого от страха, – проворчала Вероника. – Слушай, Свет, а Витька когда с работы придет?

– Скоро заявится, так что можешь спокойно отваливать.

– Нет уж, я лучше его дождусь, а потом со спокойным сердцем отвалю.

Светлана заливисто расхохоталась и обняла ее. Она повела Веронику обратно на кухню, и они, уютно устроившись за столом, продолжили чаепитие.

– Ну, давай теперь колись. Что там у вас произошло с Николаем?

– Смешно, наверное, но мне дали отставку самым наглым образом. Выпроводили из дома на дачу, правда, пообещав при этом переписать ее на меня, и еще предлагают сорок тысяч отступных.

– Шутишь? – недоверчиво прошептала Света.

– Не до шуток мне, подруга. Говорю чистую правду. Только совсем забыла добавить, что причина всему этому – юная блондинка, в которую Королев влюбился по уши. Свет, если тебе не трудно, давай мы эту тему отложим на потом, не хочется мне портить настроение.

– Как скажешь, дорогая, потом значит потом. А о другом событии ты не хочешь рассказать?

– О каком? – не поняла Вероника.

– В кого это ты там влюбилась с первого взгляда? – хитро прищурившись, спросила Света.

– Ой, Светка, и не спрашивай, до чего все глупо. Представляешь, я сегодня поехала к юристу, нужно было получить кое-какую консультацию и, как вошла в его кабинет, так и пропала. Со мной такое впервые происходит, я, конечно, Николая любила, но это совсем не то. Я даже не знаю, как объяснить. Он на меня смотрит, а я от его взгляда готова растаять и превратиться в маленькую лужицу, прямо у его ног. Ощущение странное, как под легким кайфом.

— Слушай, Ника, а может, он гипнотизер какой-нибудь и таким образом заманивает хорошеных девушек в свои сети?

— Не пори ерунды, он же юрист, образованный человек.

— А при чем здесь его образование? Я же тебе говорю, что, может, он гипнотизер, а это дар такой.

— Ну не знаю, не думаю. Он интеллигентный, умный, красивый, и вообще, по-моему, у него совершенно нет никаких недостатков.

— Да, подруга, угораздило тебя по самое некуда. Надо же такое ляпнуть, чтобы у мужика и не было недостатков. Это, милая моя, уже из области фантастики.

— А у него нет, я почему-то в этом уверена, — не сдавалась Вероника.

— Ну, и какие у тебя насчет него планы?

— Да ты что, Светка, какие могут быть планы, когда я его видела всего два часа?

— А как же ты тогда собираешься воплотить в жизнь свои эротические фантазии? — съязвила Света, хитро прищурив глаза.

— Какие еще фантазии? — вытаращилась Ника.

— Как какие? Ты же сама только что сказала, что готова превратиться в лужицу у его ног, а это, милая моя, уже из раздела «крутая эротика».

— Да ну тебя, Светка, тебе бы только посмеяться, а мне, можно сказать, первый раз в жизни не до смеха. Он мне свою визитку вручил и, между прочим, намекнул, что будет рад, если я позвоню ему не только по делу. Из этого можно сделать вывод, что он меня тоже заметил.

— Ну, еще бы не заметить такую куколку. Ты почаше на себя в зеркало смотри и никогда не занижай самооценки. Красавицей тебя, конечно, не назовешь, но то, что ты очень миленькая, бесспорно. И главный твой козырь — твоя сексуальность, у тебя взгляд прямо как у путаны с Тверской, я, между прочим, не раз об этом говорила. Вот этим ты и должна мужиков косяками валить.

— Ну спасибо, подруга, обласкала, — проворчала Вероника и схватила с подоконника маленько зеркальце, чтобы посмотреть на свои «путанистые» глаза. Ей понравилось то, что она там увидела, и ее губы растянулись в довольной улыбке.

— А что, Свет, вроде ничего еще? В старухи рано записываться, щечки пока румяные, губки алые, глазки блестят. Может, и правда позвонить этому Роману Сергеевичу?

— Нет, Никуся, так сразу нельзя, нужно обязательно паузу выдержать, хотя бы пару дней, а то подумает, что ты легкодоступная штучка.

— А через два дня, значит, не подумает? — засмеялась Вероника.

— Нет, ты через два дня позвони и попроси его о консультации, а когда приедешь, посмотришь по обстоятельствам. Ой, Ника, ну что мне тебя учить, не знаешь, что ли, как мужику мозги запудрить?

— Забыла я уже, как это делается.

— Никогда в жизни не поверю, чтобы ты и забыла. По тебе же все мальчишки в нашем классе вздыхали. А в институте, вспомни, сколько ребят за тобой ухаживали, сама мне рассказывала. Только ты почему-то Николая выбрала, и что ты в нем нашла?

— Наверное, любила, вот и выбрала. Теперь, конечно, жалею об этом. Ведь я, когда замуж выходила, думала, на всю жизнь, а видишь, как получилось. Никогда не предполагала, что в моей жизни может такое произойти. Но ты знаешь, Свет, как говорится, что бог ни делает... Если бы этого не случилось, мне никогда не пришла бы в голову мысль пойти к юристу, а значит, я не увидела бы мужчину своей мечты.

В прихожей раздался шум открывающейся двери, и тут же раздался громоподобный голос Виктора:

— Светик, ты дома?

— Где же мне еще быть, милый? Конечно, дома, — засмеялась она, — иди сюда, на кухню, мы здесь с Вероникой торт уничтожаем и тебе оставили.

— Очень хорошо, — пророкотал Виктор, показываясь в дверях кухни, — вот только руки помою и присоединюсь к вам. Никуся, привет, отлично выглядишь. Что-то давненько ты к нам не заглядывала, нехорошо друзей забывать. — И, напевая незатейливый мотивчик, Виктор отправился в ванную комнату.

— Свет, я уже пойду, ладно? Мне еще за город пилить, а это, сама знаешь, не очень близко. Витьяка теперь дома, так что я спокойно поеду. Ты, когда рожать отправишься, напомни своему благоверному, чтобы мне сообщил, я к тебе в роддом приеду, навещу.

— Ладно, ладно, напомню, а еще лучше, сама тебе позвоню. Ты не пропадай, держи меня в курсе. Я же теперь от любопытства умру, как там у тебя дела будут разворачиваться с твоим юристом.

— Он, подружка, к сожалению, не мой и будет ли когда-нибудь моим, это еще бабушка надвое сказала. Но я, конечно, предприму какие-нибудь шаги в этом направлении. Все, пока! — и, чмокнув Свету в щеку, Ника направилась к дверям.

Уже стоя на пороге, она проорала на всю квартиру:

— Витьяка, пока, я уже уехала, береги Светку и вовремя доставь в роддом.

Глава 4

По дороге на дачу Ника опять остановилась у знакомого кафе, решила немного перекусить, чтобы не готовить себе ужин дома. Сев за тот же столик, что и вчера, она взяла в руки меню и начала выбирать блюда. Подошла официантка и стала протирать и без того чистый стол. Закончив эту процедуру, она обратилась к Веронике:

– Вы уже что-то выбрали?

– Да, пожалуй, я съем салат столичный и выпью чашечку кофе, хлеба не нужно.

В ожидании ужина Вероника огляделась. Она увидела за одним из столиков человека в милицейской форме и двоих официантов. Их явно допрашивали, это было видно по их напряженным лицам и нервному постукиванию ногой одного из них. Когда официантка принесла заказ, Вероника, как бы между прочим, поинтересовалась:

– У вас что-то случилось, я смотрю, здесь милиция?

– Ой, и не спрашивайте, – махнула та рукой, – такой ужас, прямо жуть. Вон, видите, в той половине зал игровых автоматов? Так вот вчера один паренек там «Джек-пот» взял, а сегодня получил деньги. К нам еще зашел, всех коктейлем угостил на радостях. Он здесь вообще постоянный клиент, очень часто на автоматах играет, а потом к нам заходит, когда выигрывает. Хороший такой парень, мне прямо даже не верится, что такое случилось.

– Да что случилось-то? – не выдержала Ника.

– Так убили его. Он отсюда с деньгами в двенадцать ушел, а в три часа к нам уже милиция заявились. Представляете, Игорька вон в том маленьком парке застрелили! А ведь там все время мамаши с колясками гуляют, старушки на лавочках сидят, и никто ничего не видел и не слышал выстрела. Но это и понятно, пистолет-то с глушителем был, его прямо там у тела и нашли. И, конечно, никаких денег. Так жалко парнишку, так жалко, у него мать дома парализованная лежит. Можете себе представить, каково ей теперь будет? Ведь он за ней ухаживал. Вот беда так беда!

– А ведь он жил вроде рядом где-то? – спросила Вероника. – Я ведь вчера видела этого паренька, он меня в дверях чуть с ног не сбил, молоденький такой.

– Да вон в том доме, семнадцатиэтажка, видите? А мой дом рядом. Я Игоря-то еще совсем малышом помню, он помоложе меня лет на семь будет. Мы с ним, конечно, никогда не общались, кроме как здесь, когда он заходил в мою смену, но знать я его хорошо знаю. Зинаиду Григорьевну, его мать, почти все знают, она раньше инспектором по делам несовершеннолетних была. Хорошая тетка, многих ребят от тюрьмы спасла, они ее мамашей звали. К Игорьку все хорошо относились, безобидный парень был, простой, как три копейки. Если кто за помощью обратится, готов в лепешку расшибиться. Вон, посмотришь, алкаши валяются, ни одна зараза их не берет, живут себе, ни о чем не думают. Таких смерть-то должна забирать, а не молодых, как Игорек. Это его из-за денег, конечно, убили. Что делается на белом свете, а? Ведь прямо страшно жить стало, и не знаешь, что лучше, то ли бедным быть, то ли богатым.

В это время за другой столик села молодая парочка, и девушка, извинившись, побежала принять заказ. Вероника начала было есть, но аппетит пропал напрочь. Она ковырялась в тарелке с салатом и вспоминала радостное лицо парнишки.

«У него была такая открытая улыбка и белоснежные зубы», – с болью подумала Вероника.

Она вдруг резко встала и, положив деньги за ужин, который так и не съела, на стол, быстро вышла из кафе. Она сама не понимала, зачем это делает, но, сев в машину, развернула ее в сторону семнадцатиэтажного дома, того самого, в котором еще вчера жил хороший паренек по имени Игорь. Когда Ника подъехала к зданию, старушки, сидящие у подъезда, как по команде, повернули головы в ее сторону. Любопытство плескалось через край из старушечьих

глаз. Вероника подошла к ним и, дружелюбно улыбнувшись, поздоровалась. Получив серию приветствий в ответ, поинтересовалась, в какой квартире живет Зинаида Григорьевна.

– Ты из милиции, что ли, дочка? – поинтересовалась одна из старушек. – Так ступай, там еще ваши-то.

– Нет, я не из милиции, я из комитета попечительства.

– Тогда лучше не ходи туда сегодня, несчастье там.

– А что случилось? – она притворилась удивленной.

– Ой, и не спрашивай, деточка. Сына Зинаиды Григорьевны убили, сегодня днем.

– За что же, вроде молоденький он совсем? – продолжала удивляться Вероника.

– Говорят, за деньги. Только откудова у него деньги-то, у студента? Правда, он подрабатывал, но это же гроши, слезы одни. Только и хватало, чтобы матери лекарство купить, а на ее пенсию питались. Иногда, правда, кое-что из вещей продавал, но очень неохотно, только по нужде. У них дорогих вещей-то раньше много было, еще после отца остались. А болесть-то, она все и сожрала, на одну операцию сколько денег ухлопали. Игорь-то учился дюже хорошо, все матери говорил, чтобы потерпела. Как выучусь, мол, стану адвокатом и заживем, говорит, мы с тобой, мама, как господа. Вот и зажили! И кому мог помешать совсем безобидный мальчиконка? Ведь ему же только двадцать один годочек исполнился неделю назад.

Старушки начали сокрушаться, мол, до чего же стало страшно жить на белом свете. Раньше такого не было, а сейчас прямо срамота, ну и конечно, по их разумению, виноваты в этом безобразии наши правители. Вероника тихонько прошла в подъезд и поднялась по лестнице. Квартира, которая ее интересовала, находилась на третьем этаже. Дверь была не заперта, и Ника услышала приглушенные голоса.

– Все, Иван Павлович, я закончил, можно уходить. А что с женщиной-то делать будем? Ведь одна она совсем, вот соседка обещала присмотреть, пока в отпуске, а потом, говорит, не сможет.

Вероника шагнула в прихожую и натолкнулась на молодого лейтенанта и пожилого майора.

– Здравствуйте, – спокойно сказала она.

– Добрый вечер. А вы кто же будете?

– Я из поликлиники, пришла к Зинаиде Григорьевне, – тут же нашлась Ника.

– А, ну тогда проходите. Только вы, наверное, не в курсе, беда у Зинаиды Григорьевны, вы уж поделикатнее там.

– Да нет, я в курсе, бабушки у подъезда проинформировали.

– Вот радио сарафанное, везде успевают! – крякнул майор. – Ну проходите, а мы пошли, служба.

Мужчины ушли, а Вероника задержалась в прихожей, обдумывая, что сказать хозяйке. В квартире пахло лекарствами и болезнью, и от этого запаха у Ники слегка закружилась голова. Под ноги подкатился кучеряwyй колобок, уселся и, наклонив голову набок, сказал:

– Гав, гав!

Ника села на корточки и погладила собаку по голове, та, в свою очередь, приветливо завиляла хвостом и лизнула ее руку.

– Зачем я сюда пришла? – задала Ника вопрос собачке. – Что я скажу этой несчастной женщине? Ведь я видела ее сына всего два раза, и вообще, что я здесь делаю?

– Кто там пришел? – послышался слабый голос из глубины квартиры. – Проходите, не стойте в дверях.

Вероника, больше не думая, прошла в комнату. На постели лежала еще не старая женщина. Подушки в белоснежных наволочках были высоко подняты, и больная полусидела. В комнате, как ни странно, были чистота и порядок. Ника осмотрелась, ища глазами место, куда можно присесть.

— Вон, в кресло садитесь, — предложила хозяйка, — простите, не знаю я вас. Вы кто же будете, и как ваше имя?

— Меня зовут Вероника, здравствуйте, Зинаида Григорьевна.

— Здравствуйте, что-то не помню я вас, вы не из собеса?

— Нет, Зинаида Григорьевна, не из собеса я. Если честно, я даже не знаю, зачем пришла. Я в кафе заехала поужинать и там услышала про Игоря, вот и пришла.

— А ты что же, деточка, знаешь Игоречка моего? — Женщина сразу перешла на «ты», как услышала, что девушка знала ее сына.

— Вам, может быть, это покажется странным и удивительным, но я не была знакома с вашим сыном, просто видела его вчера в кафе, мы и перекинулись-то с ним всего парой слов.

— Прости меня, Вероника, от лекарств у меня в голове помутнение, я даже поплакать не могу, не то что удивляться. Пришла, значит, захотела прийти, а зачем, почему, не столь важно. Посидишь со мной, и спасибо. Хочешь поговорить, давай поговорим, а не хочешь, и помолчать можно.

Вероника встала с кресла и прошлась по комнате. Мебель была дорогой и добротной, посуда в серванте стояла изысканная, тончайшей работы фарфор. Видно было, что этот дом знал лучшие времена. Ника повернулась к хозяйке и спросила:

— А комната Игоря там? — и она указала рукой на закрытую дверь.

— Да, там, если хочешь, зайди, посмотри, — прошептала Зинаида Григорьевна и прикрыла глаза.

Вероника открыла дверь и заглянула в комнату. Здесь явно жил студент, причем очень прилежный, потому что везде, где только можно, были книги. На письменном столе громоздился компьютер, и тут же стояла рамка с фотографией. Вероника подошла и взяла снимок в руки. На нее смотрели и улыбались два молодых лица. Это был Игорь с молоденькой курносенькой девушкой с улыбчивыми глазами. Ника, не выпуская фото из рук, пошла к больной.

— Зинаида Григорьевна, а с кем это Игорь на снимке?

— Это Наташенька, его девушка, только что-то последнее время у них не заладилось. Раньше, бывало, он по часу вечером с ней по телефону разговаривал, все рассказывал, как любит ее и как скучает. А потом совсем перестал, она, правда, сама как-то пару раз звонила, но он резко с ней говорил, и все, звонки прекратились.

— А откуда она, где живет или работает, вы знаете?

— Она помощник бухгалтера в той фирме, которая главная по игровым автоматам. А живет почти в центре, на улице Лесной, той, что рядом с Тверской, в пятом доме. У меня где-то и телефон ее есть, Игорь на всякий случай мне его дал, чтобы я могла туда позвонить. Он часто у нее бывал, а когда задерживался, я очень волновалась.

Вероника задумалась: «Да, кажется, я интересную информацию получила». А вслух спросила:

— Скажите, а Игорь вам вчера ничего не говорил?

— Как не говорил? Прибежал домой уже вечером и прыгал здесь, как кенгуру, по комнате. Кричал: «Мама, мы с тобой богатые люди, теперь заживем! Я тебе сиделку найму, будешь, как королева». Вот и зажили, — и она сморщила лицо в болезненной гримасе, а потом прошептала:

— Хоть бы поплакать, может, легче бы стало, а слез, как нарочно, нет, совсем меня болезнь иссушала, плохо понимать происходящее стала. Вот и сейчас все кажется, дверь откроется и Игорек с порога закричит: «Мама, я дома, сейчас буду тебя кормить!» Не дошел, наверное, еще до меня смысл случившегося. А может, я сама стараюсь, чтобы не дошел. Вроде все соображаю, но верить не хочу и никогда не поверю. Буду думать, что уехал мой сынок и когда-нибудь вернется. Вот только теперь в приют меня, наверное, определят, а я не смогу там жить, лучше руки на себя наложу, чтобы не мучиться. Я и раньше бы это сделала, да Игоря жалела, он у меня очень впечатлительный.

— Зинаида Григорьевна, а вы случайно не слышали, кому-нибудь Игорь говорил про выигрыш, ну, может, по телефону или еще как?

— Да нет, по телефону никому не говорил, а так, откуда же мне знать, может, и поделился с кем радостью.

— А друзья у него есть?

— Как не быть, конечно, есть. Костик из двадцать шестой квартиры, закадычный друг, они с ним с детского сада вместе, не разлей вода. В институте со многими дружит, но таких, как Костя, больше нет.

— Как вы думаете, это будет удобно, если я зайду к Косте поговорить?

— Так нет его сейчас в Москве, отдыхать уехал, как экзамены сдал, так и уехал. Игорь вчера сокрушался, что лучшего друга нет в такую радостную минуту. Мы бы, говорит, с ним дело организовали, деньги с умом нужно вкладывать, чтобы они прибыль приносили. Ну, ничего, говорит, полмесячишка придется подождать, а как Костик приедет, сразу за дело. Ведь Игорь очень умный, он в институте на одни пятерки учится, его даже от некоторых экзаменов освобождают, потому что он достаточно баллов набирает в процессе учебы. Вот теперь Костя приедет и сразу такую новость услышит, трудно ему будет, я-то знаю, как они дружили. Так даже родные братья не дружат.

— Зинаида Григорьевна, вы сказали, что Наташа, девушка Игоря, работает в центре по игровым автоматам. А вы случайно не знаете, как давно она там работает?

— Знаю, год и два месяца. Она когда туда устроилась, прямо плясала от радости. Такую должность получить не так просто, зарплата, конечно, соответствующая. А почему я запомнила, они с Игорем праздничный ужин устроили по такому случаю, и он совпал с годовщиной нашей свадьбы с мужем.

— А где сейчас ваш муж?

— Умер он, уже три года как умер, вот после этого и пошло все наперекосяк. Я на нервной почве болеть стала, но держалась, нужно было о сыне думать, он тогда уже в институте учился, а обучение платное. Спина прямо отваливалась, меня врачи предупреждали, что может закончиться плохо, инвалидность оформить советовали. Но я все не соглашалась, боялась в деньгах потерять, а получилось так, что вообще все потеряла: и здоровье, и заработок, пенсия-то — смешно сказать. Этот год учебы мы с горем пополам оплатили, кое-что, правда, продать пришлось, а вот про следующий год я уже думала с содроганием. У Пети все деньги в дело были вложены, поэтому так все и вышло.

— Зинаида Григорьевна, а у вас что же, родственников совсем никого нет?

— Совсем никого, мы с мужем-то из детского дома оба, там выросли, потом поженились. Он немного постарше, на три года, так вот он меня все время от мальчишек защищал, чтобы не обижали. А в тот день, когда я покидала детдом, он за мной приехал и сразу отвез к себе в комнату. Мне тоже комната полагалась, и когда я ее получила, мы наши две обменяли на двухкомнатную квартиру. Потом Игоречек родился, и жизнь пошла своим чередом. Богато, конечно, не жили, но и копеек не считали, все могли купить, что полагается, и еще на отпуск отложить. Когда перестройка началась, первое время трудно было, но потом Петя на хорошую работу устроился, и стали жить совсем хорошо.

Прошло немного времени, и мой муж свою фирму организовал, и дела у него пошли так, что лучше и придумать нельзя. Из девушки переехали вот в эти хоромы, здесь четыре комнаты. Поменялись с одной женщиной, прямо в этом же доме. У нее почти вся семья в автомобильной катастрофе погибла — дочь, зять и двое внуков. Вот она и решила свою квартиру обменять на меньшую, с доплатой. Петя быстренько сделку оформил, а я вот теперь думаю, зря он это сделал, видно, несчастливая эта квартира. У Пети дела шли все лучше и лучше, он радовался своей удаче как ребенок. Только недолго это продлилось, умер мой Петя, а может, его убили. Сказали — сердечная недостаточность, но я не верю: у него сердце как у космонавта было, и

лекарств он никогда не употреблял, а при вскрытии обнаружилось, что он уже долгое время какой-то препарат сердечный принимал. А в больших количествах этот препарат разрушает сердечную мышцу. После его смерти тут же появился компаньон, о котором я никогда от мужа даже не слышала, и весь бизнес, естественно, перешел к нему. А компаньона никакого быть не должно, об этом и документ имеется. В общем, темная история, видно, стал мешать удачливый бизнесмен своим конкурентам.

Только я так рассудила: Петра не вернуть, а если начну сейчас до правды докапываться, то только сыну наврежу, и успокоилась. Но спокойствие это, конечно, одной видимостью было, а сердце кровоточило, и в результате – меня болезнь свалила. Я вот смотрю, Вероника, ты интересуешься смертью моего Игоречка. Не знаю, зачем тебе это нужно, но очень тебя прошу. Если сможешь, докопайся до правды, узнай, кто сына моего убил, не стала я убийц мужа моего искать, может, за это меня бог сейчас и наказал. Думала я, что похоронила это дело вместе с папочкой, да, видать, ошиблась. Прошу тебя, девонька, не откажи мне, найди убийцу. Чую я, что не в выигрыше дело. Неделю назад Игорю двадцать один год исполнился, вот здесь и нужно разгадку искать, но одной мне не справиться, сама понимаешь. И довериться никому не могу, а вот тебе почему-то поверила, – быстро, как в бреду говорила Зинаида Григорьевна. Глаза ее при этом горели лихорадочным огнем, а плохо слушающиеся руки вцепились в пододеяльник.

– Как же я его найду, ведь я в этом ничего не понимаю? – пробормотала ошарашенная таким поворотом разговора Ника. – Ведь этим милиция должна заниматься, наверняка уже дело завели и обязательно найдут убийцу, вот увидите. А что я-то смогу, когда даже не знаю Уголовного кодекса?

– Ну прости тогда, видно, не по адресу я обратилась. Ты ступай, устала я, отдохнуть хочу, – твердо произнесла хозяйка и закрыла глаза, давая Веронике понять, что разговор окончен.

Та потопталась на месте и пробормотала:

– У вас деньги-то есть? Может, продукты какие нужны, я схожу, куплю.

– Все у меня есть, и ничего мне от тебя не нужно, – зло выпалила несчастная мать и отвернула голову к стене.

– До свидания, Зинаида Григорьевна, – произнесла Вероника и направилась к двери. Потом резко повернула обратно и, зайдя в комнату, заявила: – Я попробую вам помочь, если, конечно, сумею, только вы не торопите меня, ладно?

– Торопиться в таком деле не следует, но и тянуть нельзя, по горячим следам оно всегда легче. И еще один аргумент в пользу этого – моя болезнь. Не хочу умереть с виной на сердце, – проговорила Зинаида Григорьевна, так и не повернув головы в сторону Вероники.

– Тогда я завтра к вам опять приеду, если можно?

– Мои двери для хороших людей всегда нараспашку. Конечно, приезжай, завтра и обсудим, с чего тебе начинать нужно. Я попробую пока лекарств не принимать, чтобы голова немного просветлела и работать начала, вот тогда все и обсудим. – И уже шепотом она добавила: – Зря, видно, я послушалась, нужно было пойти, куда следует, еще тогда.

– Кого послушались и куда пойти, Зинаида Григорьевна? – спросила Вероника.

– Все завтра, девочка. Я все расскажу завтра, ты иди, иди. Я очень ждать буду. Поверила я в тебя. Сама не знаю почему, но чувствую, что тебе все удастся.

Вероника, повеселев, уже спокойно ушла из дома, где поселилась беда, твердо решив помочь этой несчастной женщине. Правда, она даже представить не могла, как и что будет делать, и вообще, с чего начинать, но знала, что сделает все от нее зависящее. На руках у нее сидела маленькая болонка и доверчиво заглядывала в глаза своей новой хозяйке, которая ей явно понравилась. Собачку звали Дуся, и Зинаида Григорьевна была даже рада, что Вероника ее забрала.

– Теперь хоть буду уверена, что Дусенька на улице не погибнет, она же совсем беззащитная, ее там большие собаки сразу загрызут. Спасибо тебе, Вероника. Раз ты собаку пожалела, значит, сердце у тебя доброе. Выходит, я не ошиблась. Она ведь недавно ощенилась первый раз, всего одного и принесла. Когда щенок подрос, его соседи с пятого этажа забрали, так Дуся целую неделю тосковала, вот только успокоилась. Ты уж не обижай ее, она добрая и ласковая, как котенок. Ладно, Вероника, ты иди, иди, милая, завтра я тебя ждать буду, – в который раз сказала Зинаида Григорьевна и впервые за весь вечер слабо улыбнулась.

Глава 5

Машина легко бежала по трассе, музыка лилась из динамика, а Вероника, уверенно держась за руль, задумалась над тем, как ей решить задачу, которую поставила перед ней Зинаида Григорьевна.

Внезапно она улыбнулась и запела:

– Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдать?.. Ладно, сейчас приеду, схожу к Семену Степановичу на вечерний чай и завалюсь спать. А завтра утром решу, с какого конца начинать. Зинаида Григорьевна обещала мне что-то рассказать. Вот тогда вместе все и решим.

Дуся, свернувшись калачиком, мирно посапывала на заднем сиденье машины. Вероника посмотрела в зеркало на беленький комочек, умилилась и подумала: «Не успела я переехать на свое новое местожительство, как появился еще один жилец. Наверное, это к добру».

Она уже доехала до поселка, когда увидела встречную машину, – это был «Мерседес» ее мужа, ее бывшего мужа.

– Интересно, зачем его сюда принесла нелегкая?

Она резко затормозила и открыла окно. «Мерседес» тоже остановился напротив ее машины, и из него вышел Николай.

– Где это тебя носит? – не здороваясь, вызверился он. – Я как идиот прождал тебя сегодня целый день в офисе, даже деловую встречу отменил, а ты где-то гуляешь. В чем дело, Вероника? Так, моя милая, дела не делаются.

– О каких делах речь, Коля? – притворившись дурочкой, удивленно спросила Вероника.

– Я же сказал, что жду тебя, ты должна подписать документы.

– Я, дорогой, никому и ничего не должна, тем более тебе. Напротив, это ты мне должен кое-что объяснить и не только объяснить, но и ввести в курс дела.

– В какой курс, какого дела? – не понял Николай.

– А такого, милый. Мне, как полноправному твоему партнеру по бизнесу, хотелось бы знать все о делах нашей с тобой фирмы. Я вот тут подумываю отпочковаться от тебя и открыть дочернее предприятие, только уже без твоего участия. Ты как, не против?

– Ты что, совсем сбрендила? – заорал Николай и покраснел, как перезревший помидор. – Кто вбил тебе в голову такую бредовую идею? Эта фирма моя и только моя, и ты не имеешь к ней никакого отношения. Ты не получишь ни копейки и вообще останешься на улице, если я того пожелаю. Если не хочешь неприятностей, то давай все решим полюбовно, подпишешь договор о передаче мне полномочий, получишь свои сорок тысяч и поедешь отдыхать. Когда приедешь, спокойно оформим развод, получишь документы на дом, и живи в свое удовольствие. Что еще женщине нужно?

– Очень интересно, о каких неприятностях ты здесь толкуешь? Ты что, угрожаешь мне? – взбеленилась Ника.

– Дура ты, не угрожаю, а предостерегаю. Ты что, в суд подашь, судиться со мной будешь? Так знай, кишака у тебя тонка со мной тягаться.

– А это мы еще посмотрим! – зло бросила Вероника и, закрыв окно, завела машину.

– Стой, черт тебя побери! – заорал Николай и ударил кулаком по капоту.

– Ты чего орешь, хочешь, чтобы весь поселок знал о нашем с тобой разводе? – прошипела Вероника и вышла из машины. – Слушай, Королев, будь, наконец, мужчиной. Что ты ведешь себя как баба на базаре? Если хочешь все обсудить, ради бога, но только в присутствии моего адвоката.

Муж открыл рот и уставился на бывшую жену, как будто увидел перед собой гуманоида:

– К-какого адвоката?

— Моего адвоката, личного, который теперь занимается моими делами. Я ясно выражаясь?

— Ах ты, стерва, — прохрипел Николай и занес руку, чтобы ударить свою экс-супругу, но не успел. Вероника отскочила в сторону, и он больно ударился ладонью о ее машину. Зло пыхтя, он положил руку на приоткрытое оконное стекло и, тут же ее отдернув, заорал:

— А-а-а, что это такое, больно!

Оказывается, это Дуська, наблюдавшая за его телодвижениями, как только увидела перед своей мордочкой объект для ее зубов, больно тяпнула Николая за руку. Он с недоумением посмотрел на капельки крови, простиупившие из ранок, и стал оседать на землю. Николай имел очень странную особенность: всегда до обморока боялся вида крови, а когда он нечаянно ранился, Нике приходилось прибегать к помощи нашатыря. Дуся выскочила из машины и, бегая вокруг поверженного врага, громко тявкала.

— Да, — пробормотала Вероника, — мужиков по ошибке провозгласили сильным полом, слабее их могут быть только дети.

Она наклонилась над побледневшим как смерть Николаем и, погладив Дусю по голове, ласково ей сказала:

— Дусенька, деточка, давай отпустим этого негодяя, а то описается еще от страха, неприлично будет ехать в мокрых штанах.

Вероника еще раз взглянула на бывшего мужа и вдруг заливишь расхохоталась:

— Ай, Дуська, знать, она сильна, коль лает на слона! Умница ты моя, правильно, нечего замахиваться. Ишь чего надумал, урод несчастный, женщину бить. Это до чего же ты докатился, Королев? Давай поднимайся и вали отсюда подобру-поздорову, а надумаешь поговорить, известишь меня заранее, я к тебе сама приеду, но, как уже сказала, со своим адвокатом.

Вероника гордо отвернулась от распластанного на земле тела и, подхватив Дусю на руки, села в машину. Она осторожно объехала Николая и направилась к дому. Когда она уже загнала машину в гараж, услышала за воротами сигнал.

— Вот пристал, прямо как банный лист к заднице, — проворчала Ника и пошла к воротам, но открывать их не стала, а вышла через калитку.

Опершись о забор плечом, она молча наблюдала за бывшим мужем. Тот, кряхтя и матерясь, вывалился из машины и, не подходя к ней, произнес:

— Послушай, дай хоть рану обработать, вдруг собака бешеная. Мне только сорока укусов не хватало. Посмотри, ведь до крови укусила, шмакодявлка.

— Сорок укусов — это хорошо, они тебе только на пользу пойдут, а насчет бешенства ты прав. Нужно Дуську ветеринару показать, а то вдруг она от тебя вирус бешенства прихватила.

— Твой черный юмор абсолютно неуместен, ты же прекрасно знаешь, до какого состояния меня доводит вид крови. Что я могу с этим поделать?

Он прижал укушенную руку к груди и равномерно ее покачивал, будто убаюкивал ребенка.

— Ничего смешного здесь нет, — взвизгнул Николай, когда увидел, что Вероника трясется от смеха, — очень прошу, перестать издеваться, иначе я за себя не ручаюсь.

— Что, опять попытаешься ударить? Давай, Королев, действуй, только имей в виду, я сумею за себя постоять и гарантирую, что завтра ты появишься в своем офисе не только покусанным, но с расцарапанной рожей. Надеюсь, еще не забыл, какие у меня ногти? — и Ника продемонстрировала свой сногсшибательный маникюр, делая царапающие движения.

— Никто тебя бить не собирается, просто дай пройти в дом и обработай рану, всего-то и прошу.

— Ладно, проходи, — нехотя разрешила Ника и отступила от калитки, чтобы пропустить Николая.

— Ты это, свою шавку закрой в комнате, — смущаясь, попросил он.

– Что, боишься, что она тебе не только руку откусит, но и еще что-нибудь? – засмеялась Ника.

– Где ты ее откопала? Уж если захотела завести собаку, то брала бы действительно сторожевого пса, с настоящей родословной. Овчарку, например, или ротвейлера, а то приобрела заморыша, ни рожи ни кожи, одна шерсть.

– Зато зубы хорошие и реакция отменная. Или не убедился только что? Она мне в наследство досталась от хорошего человека и сразу признала своей хозяйкой. Видел, как кинулась меня защищать?

– И имя у нее дурацкое – Дуся, – продолжал ворчать Николай, идя через двор к крыльцу.

Они зашли в дом, и он сразу же прошел на кухню и полез в аптечку. Достал перекись водорода и начал обрабатывать рану, напряженно сопя. Потом повернулся к Нике и попросил:

– Помоги, пожалуйста, мне одному не справиться. Ты посмотри, что натворила, негодная. Может, правда, на всякий случай к врачу сходить, а то вдруг заражение будет?

– Сходи, сходи, себя любимого нужно беречь. Вдруг помрешь, и все тогда мне достанется, мы же пока не разведены, – изdevалась Ника над мужем.

– Хватит, Вероника, твой сарказм уже начал меня утомлять. Ты вообще любила меня когда-нибудь? Уж слишком ты спокойно отнеслась к нашему разрыву.

– А ты хотел бы, чтобы я билась в истерике и дергалась в конвульсиях?

– Нет, конечно, но я не ожидал увидеть тебя веселящейся над моими ранами, – махая рукой с несколькими царапинами, заорал Николай. – Вчера мы с тобой были еще муж и жена, а сегодня ты ведешь себя, как будто мы в разводе уже энное количество лет.

– Дорогой, официально мы и сегодня еще муж и жена. Но не являемся ими в нормальном понимании этого слова уже давно.

– Как это давно? Еще неделю назад мы занимались с тобой любовью, – пробормотал Николай, глупо уставившись на жену.

Вероника вздохнула и, покачав головой, прошептала:

– Есть одна поговорка: «Если человек дурак, то это надолго». Я бы ее перефразировала: «Это навсегда». Уходи, Королев, я не хочу тебя видеть, ты мне отвратителен. Быстрее оформляй развод, и давай забудем, что мы когда-то были знакомы. Ты совершенно прав: нас ничего не связывает, и только об одном я сейчас жалею, что не поняла этого раньше.

– А как же расчет фирмы? – осторожно спросил Николай.

– Не начинай все заново, я тебе уже все сказала, уходи, Королев, не заводи меня.

– Ухожу, ухожу, не ори. Когда я могу тебе позвонить?

– Думаю, что недели две я буду очень занята, а вот потом мы сможем обсудить наши финансовые проблемы.

– Чем ты будешь занята?

– А вот это, дорогой, теперь уже не твоего ума дело. Очень тебя прошу, освободи нас от твоего присутствия, вон Дуська уже искулилась вся за дверью.

– Ты пока что моя жена, и я имею право задавать тебе вопросы и хочу получить на них ответы! – перекосив рот, заорал Николай.

– Хорошо, если тебе так хочется, я отвечу. Завтра я уезжаю отдыхать с мужчиной, кото-

руму симпатизирую. Ты удовлетворен?

– Что за мужчина, откуда он взялся?

– Он юрист, и очень мне нравится.

– Вероника, ты хочешь сказать, что была с ним давно знакома? Значит, я давно уже ходил с рогами, и ты еще смеешь меня в чем-то упрекать? – брызгая слюной, продолжал орать Николай.

– Остынь, ни с какими рогами ты не ходил, и ты это прекрасно знаешь. Я с этим человеком познакомилась только сегодня.

– И завтра уже едешь с ним отдохать? Ха, ха, ха, Ника, да ты ветреная женщина, я никогда не ожидал от тебя подобного безрассудства, впрочем, яблочко от яблони… – съехидничал Николай, намекая на неуемный темперамент тещи Анны Михайловны.

– Знаешь, дорогой, это как взрыв, как наваждение, как удар молнии. Я ничего не могу с собой поделать, – произнесла Вероника, точь-в-точь повторив слова мужа, которые он произнес вчера, объявив ей о разрыве.

Николай резко развернулся на каблуках и как ошпаренный выскочил за дверь. Ника слышала, как он с силой грохнул калиткой, а затем взвыл мотор автомобиля, из-под его колес брызнула щебенка, и по воротам пронеслась дробь, как из пулемета. Вероника постояла некоторое время у окна, прислушиваясь к своему сердцу. Но оно было совершенно спокойно.

Глава 6

Утром Вероника проснулась оттого, что кто-то облизывал ее лицо. Она подняла веки и увидела перед собой лохматую морду. Как только Дуська заметила, что хозяйка открыла глаза, она тут же завиляла хвостом и радостно заскулила. Потом спрыгнула на пол и, вцепившись в одеяло зубами, стала тащить его с Ники. Затем она побежала к двери, тявкнула на нее и стремглав вернулась к кровати.

— Ты зовешь меня гулять, Дуся? — удивленно произнесла Ника. — Надо же, какая ты умница! Сейчас, подожди, я только встану и открою тебе дверь. Гуляй по саду на здоровье, здесь просторно, тебе понравится.

Ника встала и распахнула двери. Дуся галопом бросилась на улицу и тут же примостилась у куста смородины. Как только она справила нужду, сразу побежала осматривать и обнюхивать сад. Возле клумбы она приостановилась и, наклонив голову набок, заинтересованно уставилась на бабочку, которая сидела на цветке. Дуся некоторое время понаблюдала за бабочкой, а потом взяла и ударила лапой по цветку. Бабочка вспорхнула и полетела, а Дуся, провожая ее взглядом, недовольно заворчала.

Вероника улыбнулась и вернулась в дом. Нужно приготовить завтрак для себя и для собаки и побыстрее ехать к Зинаиде Григорьевне. Кое-какие мысли уже созрели у Ники в голове, и ей не терпелось поделиться ими с ней. Она открыла холодильник и задумалась: «Интересно, что едят болонки? Кроме молока, у меня для нее ничего нет, правда, еще сыр имеется, но вряд ли она будет его есть. Вот еще задачка, нужно заехать в магазин и купить собачью еду, а сейчас пусть лопает яичницу».

На том и порешив, Ника зажгла газ и поставила на плиту сковородку. Во время приготовления завтрака она начала анализировать полученную вчера информацию.

«Кто-то знал, что Игорь выиграл большую сумму денег, и уже поджидал его в парке. Его нашли недалеко от аллеи, где в это время полно народа. Значит, убийце каким-то образом удалось заманить туда паренька. С незнакомым человеком Игорь вряд ли пошел бы в кусты, имея в сумке такую сумму денег. Его застрелили из пистолета с глушителем, очевидно, убийство было спланировано заранее. В принципе очень многие знали о выигрыше, например все работники кафе. Нужно узнать, все ли были на месте в это время. Интересно, почему мать Игоря уверена, что выигрыш здесь ни при чем? Про какую папку она вела речь и почему боялась момента, когда сыну исполнится двадцать один год? Думаю, что это просто бред воспаленного, больного мозга. Ладно, сегодня поеду к ней и обо всем расспрошу».

Веронике вдруг пришла в голову идея, и она, все бросив, понеслась в комнату к телефону.

— Алло, Светка, привет! Твой благоверный дома? Дай ему, пожалуйста, трубочку… Вить, доброе утро, это Вероника. Слушай, ты не можешь дать мне кое-какую информацию? Ты уже в курсе вчерашнего убийства? Убили паренька, который выиграл «Джек-пот». Значит, в курсе? Витенька, ответь мне, пожалуйста. А еще подобных преступлений не было? Меня интересуют точно такие же убийства, после выигрыша.

Получив ответ, она положила трубку и задумалась.

— Вот так компот, — пробормотала она.

В это время ее нос почувствовал запах гари, и Ника, чертыхнувшись, полетела на кухню. На сковородке мирно дымились угольки, которые еще недавно были яйцами. Она схватила сковородку и сунула ее в раковину. Затем вытащила другую и поджарила на ней яичницу. На одно блюдце она положила порцию для Дуси, в другое — налила молока и поставила все это на пол. Потом уже сама уселась за стол.

Когда завтрак был закончен, она выглянула в сад и позвала собаку. Та прибежала моментально и, поведя носом, бросилась в кухню. Убедившись, что Дуся уплетает яичницу с огромным аппетитом, Ника спокойно пошла одеваться.

Она решила не оставлять собаку одну, нужно, чтобы та хоть немного привыкла к незнакомой обстановке, поэтому ей пришлось взять Дусю с собой. Увидев, что хозяйка открыла дверь машины, болонка тут же запрыгнула на заднее сиденье и улеглась на облюбованное вчера место. Похоже, ей понравилось кататься на автомобиле. Вероника улыбнулась и села за руль.

– Ну что, Дуся, поехали к твоей прежней хозяйке? Сейчас заедем в магазин, купим гостинцев и нагрянем. Она, наверное, уже ждет нас.

Ника подъехала к подъезду знакомого дома полтора часа спустя и увидела во дворе машину «Скорой помощи». Сердце екнуло, но она постаралась успокоить себя: «Мало ли кому приехали врачи, вон жильцов сколько».

Она подошла к подъезду и поздоровалась с уже знакомой старушкой. Та посмотрела на нее подслеповатыми глазами, а когда узнала, обрадованно заговорила:

– Здравствуй, милая, ты никак к Зинаиде пожаловала? Только зря ты приехала, пришла беда, отворяй ворота.

– Что случилось? – пролепетала Ника.

– Да, померла Зинаида-то, отмучилась сердешная, царство ей небесное. Видать, сердечко-то не выдержало беду такую, вот и сжался господь, прибрал горемычную. Соседка сегодня пришла, чтобы покормить ее, а она уж холодная. Видать, ночью померла, а может, и вечером. К ней опосля тебя еще медсестра из поликлиники приходила, я еще подивилась, что припозднилась так, они обычно до семи приходят, а тут уже девятый час пошел. Но, видать, Зинаида-то еще жива была, потому что сестра минут через десять вышла и спокойно уехала.

– На чем уехала? – машинально задала вопрос Ника.

– Да, на машине. Я еще подивилась, обычно сестрички ножками бегают, не выделяют им транспорта. А та из машины вышла уже в халате и в наморднике, чемоданчик в руках, махонький такой. Я ей здрасты, а она только головой махнула. Видать, новенькая, я ее ни разу не видела, да и лицо-то закрыто было.

– А кто обычно к Зинаиде Григорьевне приходил?

– Так Ниночка Нечаева, она у нас в поликлинике работает. Я когда в прошлом году воспалением легких заболела, она ко мне тоже приходила, укольчики ставила. В больницу-то я наотрез ехать отказалась, вот меня и лечили на дому, ну, не бесплатно, конечно.

– Случайно номер той машины не запомнили? – с надеждой поинтересовалась Вероника.

– Как не запомнить? – бабулька хитро прищурила глазки и задала ей вопрос. – А тебе зачем? Ты все ж таки из милиции, я еще вчера определила. Меня не обманешь, я все вижу. Записывай, милая, номер-то, Г 345 МЮ, «Жигули», синего цвета, девятая модель.

– Надо же, вы и в моделях разбираетесь? – удивилась девушка.

– С моим внуком не захочешь, станешь разбираться. Он у меня заядлый автомобилист, у него целая коллекция этих самых машин, только махоньких, вот он меня и просвещает. Слушай, дочка, ты думаешь, не сама померла Зинаида-то?

– Почему вы так решили? – настороженно спросила Ника.

– Да так, показалось, – ответила бабулька, отводя хитрые глазки в сторону. – Ты, дочка, не стесняйся, если что нужно, заходи, я в третьей квартире живу, аккурат на первом этаже. У окошка-то частенько посиживаю, когда во двор выйти нельзя, много вижу и много знаю. Может, помогу чем, это я с дорогой душой. Хорошие люди были что Зинаида, что Игорек. А Зинаиде я вообще по гроб жизни благодарная, она внука моего, старшего, из тюрьмы вытащила. Сейчас большим человеком стал, в загранице живет, но бабку не забывает, подарки да деньги, почитай, каждый месяц присыпает. Я вот с младшеньким сейчас живу. Родители-то на

новую квартиру уехали, а он ни в какую. Буду, говорит, с бабулей жить и никогда ее не оставлю. Он у меня хороший, только замучил меня своими машинами.

– Спасибо вам большое, давайте познакомимся, меня Вероникой зовут.

– Ну а я – Клавдия Петровна, будем знакомы. Знаешь что, дочка, пойдем-ка ко мне чайку попьем и поговорим маленько, я тебе кое-что расскажу.

Они прошли в подъезд и в дверях столкнулись с врачами «Скорой помощи». Клавдия Петровна тут же подсуетилась и спросила:

– От чего померла Зинаида-то, сынки?

– Сердце остановилось, – ответил молодой человек, у которого в руках был медицинский чемодан. Он повернулся к своему напарнику и спросил:

– Ты труповозку-то вызывал?

– А как же, Андрей Андреевич, пока вы заключение о смерти писали, я позвонил.

Вероника повернулась к старушке и сказала:

– Клавдия Петровна, пока в квартире никого нет, давайте поднимемся. Хочу кое-что посмотреть, пока милиция не приехала.

– Пошли, милая, если дверь закрытая, я у соседки ключики возьму, тебе-то она не даст, а мне всегда.

Они поднялись на третий этаж и, подойдя к двери, увидели, что она открыта. Осторожно ступая, Ника прошла в комнату и увидела тело, накрытое простыней прямо с головой. По спине пробежали мурашки, но она пересилила страх и приподняла уголок. На лице Зинаиды Григорьевны застыла мученическая гримаса, видно было, что она перед смертью испытывала страшные муки. Ника откинула простыню еще больше, чтобы увидеть руки. Они уже были сложены на груди, как обычно это делают покойникам. Видно, соседка постаралась, потому что Ника еще заметила горящую свечу у иконы на подоконнике. Она повернула руку Зинаиды Григорьевны так, чтобы видны были вены, и, убедившись в том, что укол туда был одним-единственным, опять вернула все в прежнее положение.

Затем Ника прошла в комнату Игоря, чтобы забрать фотографию, и застыла на пороге. Снимка не было. Она хорошо помнила, что поставила его вчера туда, где взяла, то есть на письменный стол, но он отсутствовал. Вероника заглянула даже под стол, но безрезультатно. Она опять прошла в гостиную и начала осматривать все вокруг. Может, она вчера только хотела поставить рамку на место, но не сделала этого? Нет, снимок бесследно исчез. Ника еще раз оглянулась и опустила глаза вниз. У кровати, на которой лежало тело, ее внимание привлек кусочек белой бумаги, и она нагнулась, чтобы поднять его. Это был листок из тетради, которая лежала здесь же, на тумбочке, а на полу валялся карандаш. На листке были какие-то каракули, Ника ничего не могла понять и просто сунула его в карман юбки. Так, на всякий случай.

– Ладно, Клавдия Петровна, пойдемте отсюда, дышать здесь трудно, что-то мне нехорошо.

– Пошли, дочка. Ты нашла, что искала-то?

– К сожалению, нет. То, что я хотела отсюда забрать, пропало, а еще вчера на месте было.

– Ценность какая? – с интересом спросила старушка.

– С материальной точки зрения нет, не ценность. А если смотреть на это с другой стороны, то, может быть, эта вещь бесценна.

Они вышли из квартиры как раз вовремя. По лестнице кто-то поднимался, громко разговаривая. Вероника посмотрела вниз и увидела вчерашних милиционеров. Она машинально нажала на кнопку лифта, и дверь тут же открылась. Шмыгнув в кабину, Ника и бабулька спустились на первый этаж, благополучно избежав встречи с милицией.

Глава 7

Вероника в задумчивости сидела за рулем своей машины. Дуся перелезла на переднее сиденье и, глядя на хозяйку грустными глазами, тихонечко поскуливалась.

– Ну что, Дусенька, кушать хочешь? Поехали, я тебе твой собачий деликатес куплю.

Она завела машину и поехала в сторону магазина. По дороге вспоминала разговор с Клавдией Петровной.

– Почитай, целый год Игорек с этой девушкой встречался. Она часто к нему в гости захаживала. Откуда она, сказать не могу, чего не знаю, того не знаю. Игорь прямо светился весь, когда рядышком они шли. Девка ничего, справная, и фигурка, и личико, все при ней. А вот с месяц уж, а может, и чуть больше она перестала появляться. Один раз, правда, видела я ее, месяца два назад. Пошла я, значит, в магазин, гляжу, а она в машине сидит, в дорогущей машине-то, джип называется. Я сразу и не признала ее, уж сильно расфуфыренная стала, вся золотом обвешана, аж глаз слепит. Видать, хахала дожидалась, за рулем-то не было никого. А Игорек после как в воду опущенный ходил. Видать, девка-то на богатого его сменяла. Раз в такой машине разъезжает, знамо дело, богач. Я почему про эту машину вспомнила? В тот день, когда Игорька убили, я видела ее, машину-то, аккурат перед твоим приездом. Она остановилась вон в том дворике, за березками, постояла с полчасика и уехала.

– Может, это не та совсем машина была? – спросила Вероника.

– Доченька, я ж тебе говорила, что на эти штуки, машины то есть, у меня глаз наметанный благодаря внуку моему. Если увидала раз, значит, уже не попутаю. Вот я и кумекаю, за каким лешим он сюда прикатывал и чего высматривал? Может, и ошибаюсь я, но чует мое сердце, неспроста это. И еще кой-чего меня подивило. Я ночами-то частенько встаю, ноги, леший их забери, болеть стали, вот иной раз до утра и маюсь. Прошла я, значит, на кухню, лекарство выпила, и к окошку подалась, свет я никогда не включаю. Гляжу, а у дерева «Жигули» знакомые стоят, ну те, на которых сестричка к Зинаиде приезжала. Мне, конечно, любопытно стало, я у окошка-то и уселась. Почитай, целый час прошел, гляжу, из подъезда девушка выбежала, в машину щмыг и уехала. Вот я и кумекаю, зачем она приезжала?

Вероника оставила машину на стоянке и, пообещав Дусе, что скоро придет, пошла в магазин. Она нашла целую полку с товарами для братьев наших меньших и накупила всякой всячины для своей болонки. В голове был настоящий хаос, и от этого она ужасно заболела. Ника потерла ладонями виски и направилась к кассе. По дороге набросала в тележку еще каких-то продуктов, чтобы загрузить наконец холодильник и не думать, что приготовить на завтрак.

«Информацию, конечно, я получила, и нужно ее отработать. Сейчас еще раз заеду в кафе и поболтаю с официанткой. А завтра прямо с утра займусь «Жигулями». Нужно в первую очередь узнать, кому эта «девятка» принадлежит, и уж потом делать соответствующие выводы. То, что Зинаиду Григорьевну убили, у меня почему-то не вызывает сомнений. Но зачем это сделали, ума не приложу. Что такого могла знать эта больная женщина, за что ее так бессердечно убрали? Потом эта чертова фотография пропала, ее явно забрали. Наташа, которая улыбается на этом фото, работает в центре, контролирующем все игровые залы, и, по словам старушки, она теперь разъезжает на дорогом джипе, обвешанная золотом. Виктор мне сообщил, что за год это уже четвертый случай со смертями «счастливчиков». Ой, мамочки, еще немного, и у меня крыша поедет. Нужно срочно искать эту Наталью и вытрясти все, что она знает и в чем замешана, а потом тащить ее в милицию».

Вероника подошла к кассе и стала выкладывать продукты на движущуюся ленту. Оплатив покупки, она вышла на улицу и увидела, что возле ее машины вертится какой-то парень. Дуська неистово заходилась в лае, бросаясь на закрытое стекло.

– Эй, молодой человек, что вам понадобилось у моей машины? – закричала Вероника.

Парень воровато оглянулся и со всех ног бросился наутек. Ника проводила его недоуменным взглядом и, поудобнее перехватив в руках целый ворох пакетов с продуктами, направилась к машине. Она открыла заднюю дверь и сбросила туда поклажу, потом открыла дверь водителя и уже собиралась сесть, как Дуська, перепрыгнув через нее, выскочила на улицу и понеслась по тротуару. Вероника торопливо засунула ключи в карман и, хлопнув дверцей машины, побежала за собакой, крича во все горло:

– Дуська, вернись, куда ты? Вернись, кому говорю, идиотка несчастная. Сейчас сяду в машину и уеду без тебя, станешь уличной шалавой.

После этих слов болонка остановилась, но к Веронике не пошла, а села и заливишь залаяла. Как только новая хозяйка приблизилась к ней, Дуська отскочила на несколько шагов. Ника протянула к ней руки и ласково заговорила:

– Что с тобой, девочка моя? Почему ты от меня убегаешь?

Как только она нагнулась для того, чтобы схватить собаку, та тут же опять отскочила, продолжая лаять. Ника махнула рукой, отвернулась от Дуси и громко заявила:

– Ну, и черт с тобой, оставайся на улице, если тебе это нравится, а мне некогда с тобой возиться.

Она сделала уже шага четыре по направлению к машине, как услышала, что Дуська рычит. В это время мимо них проходил молоденький милиционер, и Ника услышала его смех.

– Что, семейная сцена?

– Ой, даже не знаю, что случилось с моей собакой. Выскочила из машины как ошпаренная, а теперь вот даже в руки не дается и не хочет идти. Ума не приложу, что с ней. Может, это бешенство такое? – растерянно пробормотала Ника, разводя руками.

– Не хочет идти, говорите? А ну-ка покажите, где ваша машина? – спросил милиционер.

– Да вон она, на стоянке стоит, – показала Ника рукой.

– Пойдемте посмотрим, что там стряслось с вашей машиной. Собаки, они как барометр, просто так паниковать не станут. Я ведь после армии кинологом два года работал, специально изучал собачьи повадки. А вот сейчас в милиции служу, и у меня есть партнер, Астором зовут, немецкая овчарка. Умный, черт, специально на наркотики обучен.

Вероника вместе с молодым лейтенантом пошла к стоянке. Дуська осторожно продвигалась вместе с ними.

– Стойте пока здесь, а я посмотрю, – остановил лейтенант Нику.

Он подошел к машине и сел перед ней на корточки, потом, стремительно поднявшись, вытащил переговорное устройство и начал в него что-то говорить. Вероника не на шутку раз волновалась и прокричала:

– Что там случилось?

Милиционер быстрым шагом приблизился к ней и растерянно произнес:

– Представляете, ваша машина заминирована, сейчас здесь будет специальная группа. Скажите спасибо нашему мопсу, а то витали бы сейчас в облаках в виде кучки пепла.

– Это не мопс, это болонка, – машинально проговорила Вероника. – Послушайте, что за бред вы несете? Моя машина заминирована? Но кому это понадобилось, я вроде не успела никому настолько насолить? – тараторила Ника, чувствуя, что по спине бежит ручеек пота. Ладони настолько вспотели, что можно было умыться. Дуська прижалась к ее ногам, Ника нагнулась и взяла ее на руки. Она прижала болонку к лицу и разрыдалась:

– Миленькая моя, спасительница, если бы не ты, если бы не ты...

Вдалеке послышался вой сирены, и Вероника так сильно стиснула Дуську, что та завизжала. Две машины, визжа тормозами, остановились возле магазина, и отряд в черных масках побежал внутрь. Буквально через несколько минут из дверей повалила толпа народа, и рослые ребята с автоматами отправляли всех в сторонку. Стоянку автомашин оцепили лентой, и под

Веронику машину полез один из мужчин. Через десять минут он вылез оттуда и, сложив руки крестом, дал понять, что все в порядке. К Нике подошел пожилой мужчина и представился.

– Подполковник милиции Новиков Александр Викторович. Прошу вас пройти со мной, мне нужно задать вам несколько вопросов.

Ника, продолжая сжимать в руках Дуську, поплелась за подполковником. Они сели в машину, и он, повернувшись к Нике, улыбнулся:

– Расслабьтесь, все уже позади. Скажите, пожалуйста, сколько времени вы пробыли в магазине?

– Ну, наверное, минут двадцать.

– Когда вы вышли оттуда, ничего не увидели подозрительного?

– Конечно, увидела. Возле машины ошивался какой-то парень, и Дуська на него лаяла. А когда я крикнула ему, что, мол, он делает у моей машины, он убежал. Я уже хотела было сесть за руль, но моя собака как с цепи сорвалась и убежала. Я, конечно – за ней, а тут милиционер, вот так все и выяснилось.

– Вы понимаете, что на вас было совершено покушение?

– Понимаю, только не соображу, кому это нужно. Может, меня перепутали с кем-нибудь? Я обыкновенная домохозяйка, никому плохого никогда не делала, врагов у меня вообще нет.

– А кто ваш муж? Может быть, это каким-то образом связано с ним?

– Не знаю.

– Мы не можем оставить сей инцидент без внимания, поэтому попрошу вас сообщить ваши данные, вас вызовут для беседы.

– Да, пожалуйста, вот мои документы.

Вероника протянула свой паспорт Новикову и, пока тот писал, безучастно смотрела в окно машины. На нее навалилась такая усталость, что ей очень захотелось на все плонуть и завалиться спать. Когда все формальности были закончены, Вероника села в свою машину и поехала к Светлане. Ехать сейчас за город у нее просто не было сил.

Когда она позвонила в дверь и увидела удивленное лицо Виктора, все что она смогла, – это лишь вымолвить:

– Витенька, меня хотят убить, – и тут же свалилась в обморок на руки ошарашенного мужа Светы.

Глава 8

Вероника очнулась и услышала неистово грохочущий голос Виктора.

— Очень вас прошу, приезжайте как можно быстрее, иначе я здесь скончаясь. У меня две женщины, одна рожает, а другая валяется в обмороке. Никакой здесь не гарем. Рожает моя жена, а в обмороке ее подруга. Откуда мне знать, почему? Давайте скорее, здесь разберетесь. Что? Адрес? О господи, какой же у нас адрес? Света, ты не помнишь наш адрес? Ах да, записывайте.

Когда до Вероники дошел смысл происходящего, ее подбросило с дивана как ужаленную.

— Ой, мамочки, Светка рожает!

Ника заметалась по квартире, пытаясь найти подругу. Дуська бегала за ней и громко лаяла. Когда Ника заглянула и в детскую, и на кухню, но там Светы не нашла, она заорала на всю квартиру:

— Светка, да где ты, черт тебя побери?

— Здесь я, — послышался писк из-за двери туалета. Ника рывком распахнула дверь и увидала свою подругу на унитазе. Та прижала руки к животу и смотрела на нее испуганными, широко раскрытыми глазами.

— Ты чего здесь сидишь? — рявкнула Вероника.

— Из меня вода течет, — простонала роженица.

— Почему вода течет? — ошарашенно спросила Ника.

— Догадайся с трех раз. Что ты дурацкие вопросы задаешь, идиотка несчастная? Воды отходят, неужели не понимаешь? А все ты, надо такое ляпнуть: «Меня убить хотят», напугала до смерти, вот и рожаю теперь, — взвилась Светлана.

В это время раздался рев из комнаты:

— Какой телефон? Зачем вам мой телефон? Не помню я никакого телефона, у меня жена рожает, вы это понимаете, черт вас возьми, приезжайте скорее!

Раздался топот, и к туалету подлетел Виктор, за ним по пятам летела Дуська и все пыталась ухватить его за брючину. Он испуганно посмотрел на жену.

— Как ты, Светик? Потерпи немного, девочка моя, сейчас «Скорая» приедет, и все будет хорошо. А, Ника, привет, ты когда приехала?

Волосы на голове у будущего папаши стояли дыбом, глаза были выпучены, и бледность по лицу разлилась такая, что краше в гроб кладут. Потом он почти осмысленно посмотрел на Веронику и пробормотал:

— А, это ты? Уже очухалась? — и, опомнившись, загромыхал так, что у всех заложило уши, а Дуська вообще спряталась за унитаз.

— Ты что натворила, а? Ты посмотри на Светку, как перепугала. Она же из-за тебя рожать начала.

— Ты чего разорался? — взбеленилась Вероника. — Рожает она, по-моему, не из-за меня, а из-за тебя, вернее, не без твоего некоторого участия. И нечего панику устраивать, ей уже и так пора. Она у тебя что, слониха, чтобы год беременной ходить? И нечего валить с большой головы на здоровую, тоже мне, стрелочника нашли.

Ника повернулась к подруге и рявкнула:

— А ты чего расселась, в домашнем халате в роддом поедешь? Ну-ка поднимайся, пошли одеваться. И ты тоже приведи себя в порядок, — обратилась она к Виктору, — вон, смотри, коленки от треников на пятках болтаются.

Виктор начал себя осматривать и растерянно бормотать:

— На каких пятках, что ты выдумываешь? Штаны как штаны, им еще и трех лет нет.

У Вероники лопнуло терпение, и она, матерясь так, что позавидовал бы любой биндюжник, пинками загнала Виктора в комнату. Тут же, вернувшись к туалету, она сдернула подругу с унитаза и повела ее в детскую, чтобы помочь одеться. Когда будущая мама была уже готова и сидела на постели в ожидании врачей, Вероника, оглядев комнату, сказала:

– Покажи мне, где лежат вещи для малыша, а то, когда придет время забирать вас из роддома, твой милый притащит туда свой милиционерский мундир. У мужиков, когда дети рождаются, что-то с головой происходит, тупеют прямо на глазах.

– Вон, прямо в кроватке сверток, я уже сложила все, что нужно, – дрожащим голосом ответила Светлана.

– Светка, ну что ты трясеешься, как с похмелья? Не ты первая, не ты последняя, все будет просто замечательно, не бойся. Мой крестник родится здоровеньkim и крепким карапузом. По-другому и быть не может у таких родителей, как вы с Витькой.

– Я спокойна, не переживай, просто немного волнуюсь. Но ведь это естественно, правда? Ой, мамочки-и-и, – вдруг закричала Светлана и повалилась на кровать. Лицо ее напряглось и покраснело.

– Что, что, Светик, схватки, да? – заметалась вокруг нее Ника.

– Ой, кажется, потуги начались, – простонала роженица, – а-а-а, Никуся, помоги, ой, мама...а...а.

В комнату как ошпаренный влетел Виктор.

– Светик, что случилось, тебе больно? Ника, что с ней?

– Ты что, дурак совсем? – заорала Вероника. – Что с ней может быть, кроме того, что она рожает.

– Как рожает, прямо здесь? – посиневшими губами прошептал Виктор. – А подождать нельзя?

– Ср...ть да родить нельзя погодить, – зло выпалила Ника, – слыхал про такое? Иди отсюда, не наводи паники, лучше принеси чистую простыню да воду поставь греть. Да, еще ножницы принеси и спирт, если есть.

– Никусенька, кажется, ребенок идет. О господи, помоги мне, а-а-а!

Виктор глупо улыбнулся и начал осторожно сползать на пол по дверному косяку. Вероника злая, как фурия, подлетела к нему и со всего маха влепила пощечину.

– А ну поднимайся, сильный пол. Ты что это удумал, я что, одна должна отдуваться? Вставай, твою мать.

– А-а-а, Ника, ребенок идет, скорее посмотри, как бы с ним чего не случилось! – рыдая, кричала роженица.

Вероника подлетела к подруге и увидела, что уже появилась головка, она была волосатенькая и, как показалось Нике, очень большая.

– Ой, мамочки, что делать-то нужно? Света, ты же медик, подскажи, что делать?

– Помоги ему, – прошептала Светлана, и ее лицо опять напряглось до синевы.

Вероника аккуратно взялась за головку и тихонько потянула на себя. Ребенок, совершенно не сопротивляясь, выскоцил в руки новоявленной акушерке. Он был весь в крови и какой-то слизи. Ника ошарашенно уставилась на этот еле шевелящийся комочек и закричала во всю мощь своих голосовых связок:

– Витька, ножницы быстрее и теплую воду.

Она аккуратно перевернула ребенка и положила его животиком на свою ладонь. Послышалось какое-то кряхтение и вслед за этим грубоый крик.

– Давай, давай, миленький, поори, вот так, хорошо. Голосочек у тебя хороший, весь в отца. Витя, где ты, черти бы тебя разорвали?

– Уже бегу, уже несу.

Вероника не пустила его в комнату, она бережно положила малыша у ног матери, рысью подлетела к двери, схватила таз с водой и ножницы прямо у порога и так же бегом вернулась к роженице. Быстро протерев ножницы водкой, спирта в доме не нашлось, она, мысленно помолившись, уже хотела отрезать пуповину. Потом вспомнила – то ли где-то читала, то ли видела в каком-то кино, – что ее нужно сначала завязать шелковой ниткой, а уж тогда отрезать.

– Витя, нитки шелковые нужны, – вновь закричала Вероника, не сводя испуганных глаз с ребенка.

Новоиспеченный папаша на удивление быстро отреагировал, и уже через минуту в дверном проеме показалась рука с катушкой. Вероника как можно аккуратнее завязала пуповину и начала ее отрезать, дрожа при этом, как в лихорадке. Когда с горем пополам с этой процедурой было покончено, Ника начала тихонечко мыть младенца.

– Ника, – услышала она голос подруги, – нужно спринцовкой носик и ротик обработать, слизь убрать.

– Ой, мамочки, я, наверное, не сумею, – прошептала Вероника.

В это время раздался звонок в дверь, и Ника услышала грохот опрокинутого стула. Она поняла, что это Виктор понесся открывать дверь, сшибая все на своем пути. Через минуту в комнату вошли врачи. Ника, увидев людей в белых халатах, опустилась прямо на пол и безудержно разрыдалась, прижимая к груди голенького малыша и судорожно кутая его в пеленку.

– Так, что здесь у нас? – по-деловому спросила доктор.

Вероника подняла зареванные глаза и пробормотала:

– У нас здесь мальчик.

– Очень хорошо, я вижу, вы великолепно справились. Ну, ну, не плачьте, все будет хорошо.

Он взял из рук Вероники младенца.

– О, какой богатырь, молодец мамаша. Как вы себя чувствуете? Люсенька, займитесь роженицей, а я закончу с малышом, – обратился врач к медсестре и, открыв свой огромный чемодан, заученными движениями начал обрабатывать младенца.

Вероника увидела, что Света с малышом в надежных руках, и успокоилась. Она поднялась с пола, еле волоча ноги, пошла в другую комнату, устало плюхнулась на диван и закрыла глаза. Дуська прыгнула к ней на колени и начала слизывать слезы со щек.

– Ну вот, Дусенька, и угодили мы с тобой в повивальные бабки. Правду говорят, не так страшен черт, как его малют. Приспичит, не только роды примешь, а и по канату над пропастью пройдешь. Что-то устала я, спать хочется, прямо сил нет. Интересно, сколько сейчас времени?

Вероника поисками глазами часы, а когда нашла, то даже присвистнула:

– Ого, уже второй час ночи, неудивительно, что я с ног валяюсь. Все, я свою миссию выполнила, теперь пусть врачи думают, что дальше, а я бай-бай.

Ника прямо в одежде устроилась на диване, только прикрыла ноги пледом и моментально провалилась в бездну. Она даже не слышала, как врачи увозили Свету и малыша. Не слышала, как вернулся из больницы Виктор. Она крепко спала и видела во сне мужчину своей мечты. Она крепко спала и улыбалась во сне, потому что ей было очень хорошо рядом с этим мужчиной. Она крепко спала, и здесь же посапывала Дуська, доверчиво прижавшись к ее груди.

Глава 9

– Ника, хватит дрыхнуть, проспишь все царство небесное, – громыхал счастливый папаша прямо в ухо Веронике.

– Который час? – спросила она, широко зевая и потягиваясь.

– Уже семь тридцать, мне на работу пора отваливать, так что вставай. Завтрак уже на столе, пошли перекусим, а вот чем твою болонку кормить, я не знаю.

Ника соскочила с дивана и пошла в ванную. Дуська тут же последовала за ней, но потом передумала и шмыгнула в кухню. Когда Ника, умытая и причесанная, вошла туда, Виктор уже сидел за столом и ловко орудовал вилкой, уплетая картошку с мясом.

– Фу, Витя, с утра и мясо? Как оно тебе в горло-то лезет?

– Я, Никуся, всегда с утра заправляюсь под завязку. Потому как побеждать не всегда удается и приходится до самого ужина терпеть, пока домой притащусь. Ну ты как себя чувствуешь? Отрубилась вчера в одну секунду. Я, когда глянул на тебя, прям испугался, бледная как смерть, но врач успокоил. Это, говорит, нервное. Пусть спит, не нужно ее будить. Я домой уже под утро приехал, так спать и не ложился. Сейчас приеду, попробую у начальства отпроситься.

– Витя, расскажи мне, пожалуйста, о тех четырех случаях. Помнишь, про которые я у тебя спрашивала, про «счастливчиков»? – перебила его Ника.

– А тебе зачем?

– Раз спрашиваю, значит, нужно, – вспыхнула она.

– Мало ли, что тебе нужно. Это, между прочим, служебная тайна, – фыркнул Виктор.

– Хватит баламутить, Витенька, если это и тайна, то не твоя. И потом, ты же сам мне сказал, что об этом вся желтая пресса орала на каждом углу. Так что не пытайся мне мозги запудрить, давай выкладывай.

– Я, конечно, не знаю, для чего тебе все это нужно, но могу сказать точно – наши эксперты пришли к выводу, что эти смерти совершенно между собой не связаны. Первого «счастливчика» сбила машина и укатила с места происшествия. Пока была паника, то да се, кто-то шустрой упер «дипломат», в котором, как потом выяснилось при следствии, были деньги. Этот «дипломат» видел у пострадавшего один из свидетелей. Второй умер от передозировки. Он был наркоманом, но начинающим. Его подруга дома обнаружила, когда пришла с работы, они вместе жили. Денег никаких не нашли, но то, что он их получил, выяснили точно. Видно, отдал долги, наркотики – дело дорогое. Третий утонул в реке, экспертиза показала, что спиртным он был накачан по самую макушку. И как его угораздило полезть в воду, осталось загадкой. Родственников у него никого не было, поэтому не особо старались что-либо раскрыть. Следователь, который вел это дело, выяснил, что накануне утопленник выиграл «Джек-пот», и хотел в этом деле покопаться поглубже. Но его загрузили другими делами по самое некуда, поэтому утопленника отнесли в раздел «несчастный случай», как и предыдущих. И вот сейчас еще один. Совсем молодой парень, студент, мать инвалидка. Но здесь уже дело посерьенее будет, его застрелили.

– Вить, неужели действительно никакой связи между этими случаями нет? Что-то мне не верится.

– Я, Ника, тоже, между прочим, об этом думал, особенно после последнего случая. Здесь, ты права, есть связь, но о ней почему-то вскользь было сказано, считают, что это чистое совпадение, а я думаю, что именно за нее и нужно уцепиться.

– Какая, Вить?

– У всех «счастливчиков» не было родственников, только у последнего есть мать, но она инвалидка, парализованная лежит.

– Уже не лежит, – прошептала Вероника.

– Что значит, не лежит? – удивился он. – Выздоровела, что ли?

– Да нет, Витя, умерла она, вчера ночью умерла.

– А ты-то откуда знаешь?

– Знаю, раз говорю. Это знакомая моя, Зинаида Григорьевна, я ее проводать приехала, а она уже умерла. Сразу после этого я поехала в магазин, чтобы продукты купить, там меня и заминировали.

– Что, кхе, кхе, что сделали? – закашлялся Виктор, поперхнувшись куском мяса.

– Заминировали, глухой, что ли? Я же вчера почему к вам приперлась на ночь глядя? Потому что пережила сильный стресс. А вы здесь рожать вздумали и чуть совсем меня не угробили.

– Ну знаешь, моя дорогая, это ты нас чуть не угробила. Открываю дверь, а тут на меня ты, как мешок с картошкой, сваливаешься. «Витя, меня хотят убить», – и отключилась. Светка прыгала, прыгала вокруг тебя и допрыгалась. Слушай, ты что, серьезно про минирование или прикалываешься?

– Витя, посмотри на меня повнимательней. Как ты думаешь, мне сейчас до шуток?

– Да тебя хрен поймешь, когда ты серьезно говоришь, а когда…

– Слушай, Краснов, заткнись, а, не до смеха мне.

Виктор внимательно посмотрел на нее и уже серьезно сказал:

– Рассказывай.

Вероника выложила ему все. И про то, что Королев ее буквально выкинул из дома, и про то, как она заехала в кафе и столкнулась с парнем, выигравшим «Джек-пот», и про все остальное. Единственное, о чем она умолчала, это о голубоглазом юристе. Когда Ника закончила, Виктор минут пять сидел молча, потом протянул:

– Ну и дела-а-а!

– Как мне быть, Витя, посоветуй. Ты же знаешь, что воля умершего – это закон, но в то же время я настолько боюсь, что уже ничего не хочу. Вчерашний случай с машиной настолько меня потряс, что я боюсь лезть в это дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.